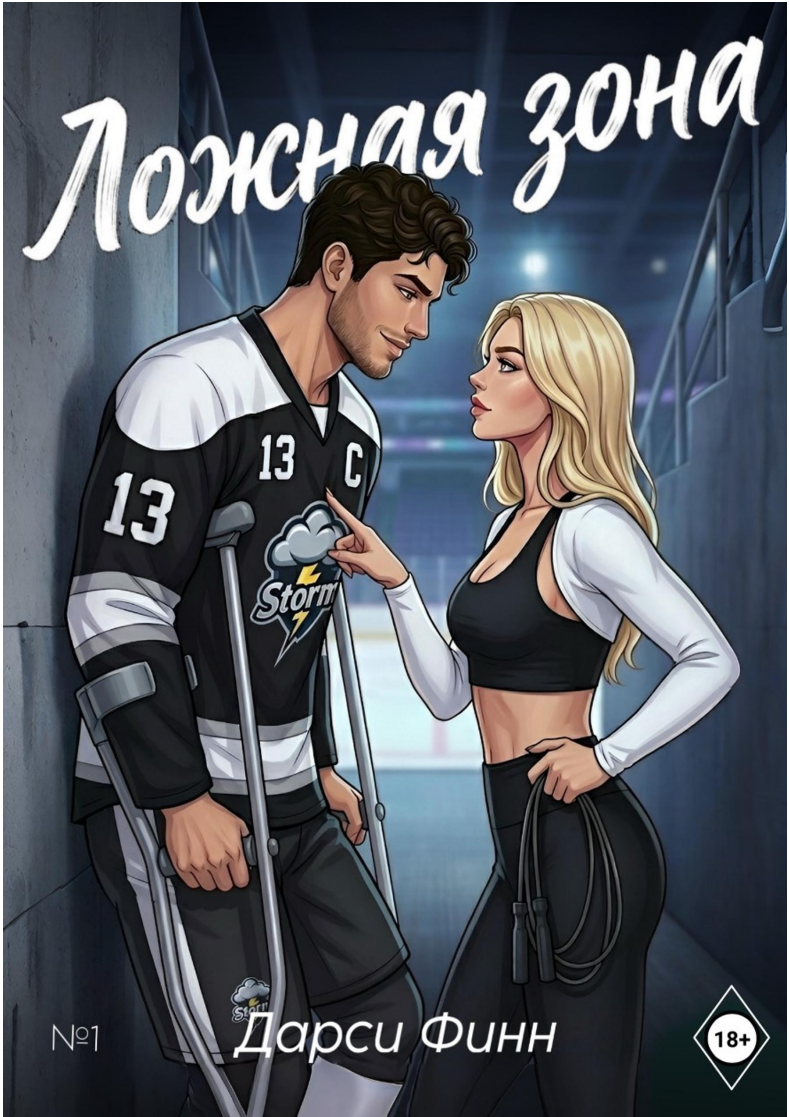
Ложная зона
13
13
C
Storm
№1
Дарси Финн
18+

Дарси Финн

Ложная зона

Серия «Добро пожаловать в Сиэтл», книга 1

https://litres.ru/73909431
SelfPub; 2026

Аннотация

Джун

Мой план был прост: тайно вылечить колено звезды НХЛ, заработать с этого деньги на свою клинику и забыть Астера Хартмана как страшный сон. Но чтобы скрыть его травму, нам приходится притворяться парой. Теперь я живу в его пентхаусе, терплю его невыносимый характер и буквально задыхаюсь каждый раз, когда он подходит слишком близко. Я врач и обязана держать дистанцию, но этот придурок намеренно проверяет меня на прочность.

Астер

Хоккей — это моя жизнь, и ради возвращения на лед я готов на что угодно. Даже если нужно изображать влюбленного идиота рядом с докторшей, которая мечтает меня придушить. Мне нравится ее злить, нравится видеть, как ее напускное спокойствие трещит по швам, стоит мне подойти чуть ближе или шепнуть какую-нибудь пошлость на ухо. На камерах мы идеальны, а за

закрытыми дверьми между нами искрит так, что в квартире становится тесно. Это просто контракт, я не должен чувствовать ничего, кроме азарта. Но почему тогда мне так нравится, что она не может меня оттолкнуть?

Содержание

Замах первый. Астер	5
Замах второй. Джун	20
Замах третий. Джун	36
Замах четвертый. Астер	53
Замах пятый. Джун	62
Замах шестой. Джун	80
Замах се	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дарси Финн
Ложная зона

Замах первый. Астер

Feel something (remix) – Bee Miller

Гул в раздевалке стоит такой, что закладывает уши. Парни орут, празднуя победу, хлопают дверцами шкафчиков и швыряют мокрые полотенца, но для меня этот триумфальный хаос превращается в сплошной белый шум. Звук рикошетит от кафельных стен, отдаваясь в висках тупой пульсацией, и кажется почти осязаемым — тяжелым, липким маревом, которое давит на плечи. Я сижу на скамье, чувствуя под собой жесткое дерево, и все, на чем я могу сосредоточиться — это мои руки. Пальцы едва заметно подрагивают, когда я тянусь к шнуркам коньков, и цепляюсь в них мертвой хваткой, надеясь, что со стороны это выглядит как обычная усталость после матча. Я чувствую себя гребаным самозванцем. Все вокруг видят «Эйса», капитана, который только что вырвал победу, а я вижу в отражении начищенных лезвий только бракованный механизм. Одно неловкое движение, один лишний шаг — и эта конструкция из мышц и гордости рассыплется в пыль прямо здесь, на глазах у всех.

Гнев на собственную биологию обжигает горло, как нераз-

бавленный виски. Это не просто злость, это физическое ощущение предательства. Каждое поздравление от парней, их тяжелые похлопывания по спине, даже очередная бутылка безалкогольного пива, которую кто-то сует мне в руку — все это звучит как издевательская насмешка над моей немощностью. Они празднуют триумф, а я веду войну с собственной плотью. В голове, словно на зацикленной пленке, прокручиваются фрагменты сегодняшней игры. Я снова и снова чувствую ту острую вспышку в колене. Боль не была просто сигналом, она пожирала меня как живое существо — злое, голодное, которое кусало и рвало мои связки изнутри при каждом вираже. Домашние трибуны ревели мою фамилию, десять тысяч человек ждали от меня магии, а я в это время думал лишь о том, как не опозориться и не рухнуть на лед, поддавшись этой твари внутри сустава.

Я ведь Эйс, мать его. Непробиваемая скала под два метра ростом, тринадцатый номер «Сиэтлского Шторма» — на мне держится эта команда, на моем лице строятся рекламные кампании, но сейчас я чувствую себя как товар с браком, у которого стремительно истекает срок годности. Если в Нью-Йорке узнают о реальном масштабе этой катастрофы, все, к чему я шел десять лет, превратится в мусор.

— Скажи мне, что ты притащишь свой зад в Файф Поинт к десяти вечера, капитан, — хмыкает Гарри, с грохотом занимая место на скамейке рядом со мной.

Гарри Блекстоун — мой лучший друг с того самого дня,

как я попал в НХЛ. Мы оба — старожилы «Штормов», и я иногда поражаюсь, как мы вообще ладим. Он — ходячее воплощение харизмы, вечно веселый, с этой своей ухмылкой, на которую девушки ведутся каждые три секунды, стоит ему просто выйти из дома. Мы полные противоположности: я — хмурая туча, он — гребаное солнце, и, наверное, именно поэтому мы до сих пор не поубивали друг друга.

— Не уверен, что в баре тебе будет дело до моей задницы, — фыркаю я, закатывая глаза и стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты увяжешься за первой же юбкой, как только заприметишь длинные ножки.

— Ревнуешь, Эйс? — Гарри расплывается в своей фирменной широкой улыбке, ничуть не задетый моей грубостью. — Не моя вина, что ты периодами смахиваешь на Йети.

— Это называется тестостерон, чувак, погугли на досуге.

— Ты вечно динамишь меня, как моя первая подружка в колледже, — морщится он, сдирая через голову черно-белую джерси с двадцать пятым номером.

— Разве это не ты бросил ее?

— Она не хотела, чтобы я стал хоккеистом.

— Ну, — пожимаю я плечами, — ее желание почти сбылось, если судить по твоей игре в первом периоде. Это больше смахивало на уроки балета.

— Что?! — он заливисто хохочет, толкая меня плечом. — Я даже не дотянул до фигурного катания?

Я уже собираюсь ответить — отшутиться своим привыч-

ным суровым тоном, выставляя вперед эту чертову «капитанскую» броню, которую ношу как вторую кожу. Но мой телефон, брошенный на скамейку прямо под моей задницей, вибрирует. Неприятные импульсы от вибрации прошивают бедро и бьют прямо в колено, заставляя меня стиснуть зубы. Мне приходится приложить все усилия, чтобы не простонать от боли на всю раздевалку.

Под несмолкаемый гул команды я тянусь к телефону и на экране вспыхивает сообщение от Максвелла Рейна:

«Смотрел вашу трансляцию сегодня, приятель. Ты двигался как старый дед, Хартман. Колено снова передает привет?»

Я тут же начинаю печатать ответ, игнорируя Гарри, который продолжает меня донимать, явно надеясь, что в этот раз его настойчивость победит мое упрямство.

— Так ты придешь?

— Ты же знаешь, что нет.

— В чем дело, Астер? Ты избегаешь меня уже которую неделю.

Я знаю, что он прав. Именно это я и делал последние месяцы. Избегал его, избегал лишних разговоров, лишних взглядов — всего, что могло бы заставить меня вслух признать правду о своем чертовом колене. Это колено три месяца назад превратило мою жизнь в минное поле, поставив под удар все, что я строил годами.

— Нет настроения, — бросаю я.

И это даже не ложь.

— С каких пор это не лечится тремя бутылками пива? — фыркает Гарри.

— С тех пор как я стал совершеннолетним профессиональным спортсменом, Блекстоун.

Я не хочу грубить ему, правда, но это единственный способ заставить его отвалить. Гарри и так знает слишком много. Не то чтобы он мог меня предать, просто за этой маской придурка скрывается парень, которому слишком не все равно и именно поэтому сейчас он смотрит на меня так внимательно. Друг единственный, кто досконально знает мой стиль игры, и он явно заметил, что в третьем периоде я подозрительно часто избегал силовых приемов.

«Надо поговорить»— снова высвечивается на экране сообщение от Макса.

Рейн — единственный, кто может так нагло мне дерзить и на чем-то настаивать, потому что он как никто другой знает цену тишины. Два года назад он потерял карьеру в теннисе из-за травмы бедра, которая вначале казалась пустяком. Он игнорировал ее, терпел, пока она не вышвырнула его из большого спорта навсегда. Максвелл исчез, стал затворником, и меня до усрачки пугает мысль, что я могу повторить его путь, если ситуация окончательно выйдет из-под контроля.

Но больше всего сейчас меня колотит от осознания: если даже Макс через экран заметил мою хромоту, значит, кон-

тракт с Нью-Йорком висит на волоске. Они просто не предложат мне его.

«Встретимся у меня через два часа»— отстукиваю я по экрану и наконец встаю, стараясь не скривиться, когда вес тела переходит на левую ногу.

Я отправляю ответ и с облегчением выдыхаю, когда замечаю, что все внимание Гарри переключается на остальных парней. Они уже вовсю планируют вечер, предвкушая литры пива и шумную толпу в баре. После травмы я стал для них кем-то вроде призрака — я здесь, но меня нет. Временами я чертовски скучаю по этой легкости, по возможности просто быть одним из них, но реальность бьет под дых сильнее любого защитника на льду. Я не могу пойти с командой. Я не выстою у барной стойки и пяти минут, не выдав того, что мое колено превратилось в труху. А если сяду — боль станет такой адской, что придется глотать таблетки, а я отказываюсь от них из принципа. Мне не нужно, чтобы Нью-Йорк учуял хоть малейший след допинга или зависимости. Одна ошибка — и контракт испарится.

Когда я наконец снимаю защиту, колено выглядит как поле боя. Сустав раздулся, кожа натянулась и покраснела, пульсируя в такт бешеному сердцебиению. Каждое движение — это чистая, концентрированная агония, заставляющая меня до хруста сжимать челюсть. Я поспешно натягиваю классический костюм-тройку, воюя с пуговицами и штанинами, потому что статус спортсмена обязывает покидать арену при

полном параде, даже если внутри я разваливаюсь на части.

Гарри дожидается меня у самого выхода из раздевалки. Он окидывает меня быстрым взглядом, но с расспросами больше не лезет. Это наше чертово негласное правило, которое создалось за годы в одной связке: не донимай и дай время, тогда тебе все расскажут. Мы перебрасываемся парой дежурных шуток про его наполеоновские планы на вечер пятницы и, когда я вскользь упоминаю, что увижусь с Максвеллом, он просит передать ему привет.

Мы расходимся на парковке быстро, стараясь не дать папарацци ни единого шанса застать нас врасплох под прицелом длиннофокусных объективов и я, наконец, веду свой новенький внедорожник сквозь холодные сумерки январского Сиэтла.

Город утопает в сером небе и неоновых огнях, отражающихся в мокром асфальте. Эта машина — часть образа, подтверждение моей фамилии и статуса, но сейчас она кажется просто дорогой клеткой. Я проезжаю мимо сверкающих витрин центра и иронично фыркаю про себя, когда на парковке у дома мой взгляд цепляется за гребаное место для инвалидов. Я готов занять его прямо сейчас, лишь бы сократить путь до лифта на несколько метров — все что угодно лишь бы эта пульсация в ноге прекратилась хотя бы на секунду.

Дома я встаю под струю горячей воды, но душ не приносит облегчения. Холодный компресс, который я прикладываю следом, тоже кажется бесполезным куском льда на рас-

каленном металле. Я наливаю себе виски — единственный бокал за эту ночь. Спиртное обжигает горло, немного притупляя острые края реальности, пока я растягиваю напиток в ожидании Макса.

Я стою у панорамного окна в гостиной, глядя на огни Сиэтла, и впитываю в себя этот вид. Это мой город, но я должен оставить его. Через полгода я обязан оказаться в Нью-Йорке. Это не просто план, это мой единственный путь к спасению, пока чертово колено не погубило мою карьеру и все, что у меня есть. Иногда мне кажется, что эта боль медленно перерастает в чистое отчаяние. За эти месяцы я перепробовал все: лучших врачей, мази, физио. Кажется, осталось только заглянуть к какой-нибудь шаманке в самом паршивом районе города, и тогда мой список «вылечиться любой ценой» будет официально закрыт. Когда консьерж сообщает, что Рейн прибыл, я делаю глубокий вдох, мысленно готовясь одновременно нападать и защищаться.

— Паршиво выглядишь, — раздается за моей спиной, как только двери лифта открываются прямо в мой пентхаус.

И когда-то первая ракетка мира входит в мою гостиную с тем же уверенным видом, с каким он когда-то выходил на корт.

— Еще хуже я себя чувствую, — не вру я, оборачиваясь к нему.

— Рад тебя видеть, приятель.

Мы не виделись несколько месяцев. Последний раз он на-

вещал меня в больничной палате после того кошмара в Чикаго. Его по-братски крепкое объятие и похлопывание по спине ощущаются как нечто надежное в моем шатком мире.

— Взаимно, мужик.

— И что ты думаешь на счет всего этого?

Я хмыкаю, протягивая ему новый бокал с виски. В этом весь Макс. Никаких прелюдий, никаких «как дела», он просто бьет сразу в цель, выбивая почву из-под ног.

— Я тоже рад тебя видеть, Максвелл. Мои дела — хорошо, спасибо, что спросил. Как сам?

Не дожидаясь ответа, я возвращаюсь в гостиную и буквально заваливаюсь на кожаный диван. Я бесцеремонно закидываю ноги на журнальный столик и прижимаю к колену свежий холодный компресс. Макс плюхается в кресло напротив, наблюдая за моими манипуляциями.

— Может, мне еще уточнить о твоих любовных делах? — он закатывает глаза, и я слышу в его голосе озорство, густо замешанное на раздражении. — Потом напьемся вина, запремся в твоей гардеробной, начнем рыдать и заплетать друг другу косички?

— Да, этот план был бы хорош, будь мы семнадцатилетними девушками, переживающими расставание с первым парнем.

— Они определенно знают толк в веселье, — хмыкает он.

Я хочу улыбнуться в ответ, но даже эта простая мимика дается с трудом. Мы сидим в тусклом свете единственной на-

польной лампы, и тишина в гостиной становится звенящей. Она не давит, нет, но она чертовски громко напоминает о том, что я сломан.

— Что говорят врачи? — через долгую паузу спрашивает Макс, и его голос становится пугающе серьезным.

— Какие именно? — вспыхиваю я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Командные? Говорят, что нужна операция и полгода восстановления. По страховке? Я не могу даже близко подойти к государственной больнице — меня узнаю́т в ту же секунду и сливают все в сеть. А частники... две клиники уже успели раструбить СМИ, что капитан «Штормов» собирается подправить свое здоровье у их «лучших специалистов».

Злость тут же клокочет в груди, перемешиваясь с физической болью. Я чувствую себя загнанным зверем, потому что никто не может помочь мне так, чтобы это не стало достоянием общественности.

— И после этого тебя не списывают до конца сезона? — Макс хмурится, глядя на мое колено.

— Это было два месяца назад, — признаюсь я, чувствуя, как тяжело даются эти слова. — Никто в команде не знает, что это до сих пор беспокоит меня и...

— Беспокоит?! Черт, Астер, ты можешь угодить в инвалидное кресло, если не остановишься!

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, Макс! Не сейчас!

— А когда, мать твою? — орет он, резко подаваясь вперед и упираясь локтями в колени. — Ты хочешь оказаться на моем месте? Хочешь лишиться всего? Я заново учился ходить, потому что думал только о том, как же я проживу без пятого титула подряд, Хартман!

— Но мы говорим не о титуле или чертовом Кубке Стэнли...

— Да мне плевать, о чем мы говорим, Эйс! — Макс окончательно срывается и вскакивает с кресла. Он начинает мерить шагами мою гостиную, как запертый в клетке тигр. — Ты медленно, но верно убиваешь себя, прикрываясь своей чертовой мечтой детства. Но тебе больше не десять лет, Астер. Ты взрослый мужик, который ни хрена о себе не думает!

— Мне просто нужно заполучить контракт с «Нью-Йоркскими Тиграми» и...

— Ты сейчас больше смахиваешь на подбитую косулю, Астер, — выплевывает он, резко останавливаясь и впиваясь взглядом в мои глаза. — И поверь мне... у нее не так много времени, как она думает.

Тишина в гостиной становится почти осязаемой, она давит на перепонки, прерываясь только тихим шорохом одежды. Я наблюдаю за тем, как Макс медленно тянется к заднему карману джинс, достает потрепанный кожаный бумажник и выуживает из него визитку. Он вертит ее в пальцах, словно сомневаясь, стоит ли вручать мне этот спасательный круг,

который больше похож на приговор.

— Я не должен этого делать, потому что… она сама расскажет почему, — он тяжело выдыхает и делает шаг вперед. Рейн оставляет между нами маленькую белую карточку прямо на журнальном столике, рядом с моим нетронутым стаканом. — Но она лучшая в своем деле, если ты вдруг решишься взяться за голову. Она в свое время… очень сильно помогла мне. Но она уничтожит тебя, Хартман.

Я хмурюсь, чувствуя, как внутри закипает скептицизм, и тут же тянусь к злосчастной бумажонке, цепляя ее кончиками пальцев. На белом плотном картоне красуется имя, которое ничего мне не говорит, и описание, которое заставляет меня мгновенно ощетиниться.

— Джун Вэнс? — читаю я вслух, и мой голос так и сочится сарказмом. Я тут же морщусь от возмущения, глядя на строчки под именем. — Персональный ассистент по здоровью и лайфстайл-коуч? Ты это серьезно, Макс? Предлагаешь мне вместо операции исцелиться благодаря смузи на кокосовом молоке и мотивационными речами из Пинтерест?

— Она — частный реабилитолог высшей категории, — Макс не ведется на мой тон, он делает шаг в мою сторону, угрожающе подходя ближе, и в его взгляде вспыхивает фанатичная уверенность. — Она делает все: от мануальной терапии и иглоукалываний до составления планов функциональных тренировок и контроля фармакологии.

— Оо, так теперь блогеры из социальных сетей у нас вме-

сто врачей? — я откидываюсь на спинку дивана, едва не шипя от того, как колено отзывается на это резкое движение. — Что дальше? Мне все же придется заглянуть к шаманке Вуду на Карсон стрит?

Макс смотрит на меня как на конченого придурка, и в его глазах читается такое искреннее неверие в мою упертость, что мне на секунду становится не по себе. Но он не собирается со мной спорить. Он тяжело выдыхает, наклоняется и залпом опустошает свой бокал с виски. Стеклянное дно со звоном встречается с поверхностью журнального столика, ставя точку в этом разговоре.

— Позвони ей, если хочешь через шесть месяцев получить чертов контракт с Тиграми, Астер.

Он разворачивается и чеканным шагом направляется прямо к лифту, не оборачиваясь. Я остаюсь один в полумраке квартиры, глядя в его спину, и думаю о его словах. Боли в колене становится все больше, она пульсирует, выжигая остатки терпения, а моя злость на самого себя, на Макса и на весь этот гребаный мир раздувается до размеров стадиона.

Уже в лифте мой друг оборачивается на меня, удерживая кнопку первого этажа: на его лице проскальзывает некое подобие кривой усмешки, в которой нет ни капли веселья.

— Но учти, друг, тебе придется умолять ее на коленях поработать с тобой.

13
13
C

Замах второй. Джун

Exes– TateMcRay

Воскресное утро в Сиэтле пахнет обжаренными зернами, влажным асфальтом и тем самым специфическим уютом лофтовой кофейни: смесью старого кирпича и дорогого парфюма. Я сижу в самом углу, подальше от панорамных окон, и наблюдаю за парой семейных пар, лениво ковыряющих свои десерты — типичная идиллия, в которую я совершенно не вписываюсь. Я пришла на полчаса раньше: привычка, которая позволяет мне занять стратегически выгодную позицию перед тем, как я в *очередной* раз казню *очередного* спортсмена. Мой взгляд прикован к планшету, где я снова и снова пролистываю цифровые снимки колена «золотого мальчика» Сиэтла.

На экране раз за разом вспыхивают неопровержимые доказательства катастрофы: разрыв заднего рога мениска на правой ноге и отчетливый усталостный перелом. Это не просто медицинский термин, это гребаный смертный приговор для его карьеры, если он сделает еще хоть один шаг на лед. Внутри меня закипает чистое профессиональное раздражение. Какой идиот — тренер, врач команды или он сам — позволил ему играть с этим месивом последние два месяца?

Мне пришлось навести свои справки, хотя все, что мне сейчас доступно — это дебри интернета. Астер Тобиас Харт-

ман. Тридцать лет, капитан «Сиэтлского Шторма», живая легенда с коэффициентом полезности +20 в новом сезоне. Глядя на его сухую статистику и последние игры, которые были явно не лучшими в его жизни, я понимаю, почему он прячется. Смотрю на его фото в новостной ленте, и в груди неприятно колет — он слишком напоминает мне Тайлера. Снова атлет, снова запредельное эго и снова огромный риск для моей репутации. Но мне нужны деньги на воплощение своей мечты, а Хартман — это самый жирный чек в моей жизни.

Колокольчик над дверью дергается, но я поднимаю голову не из-за звука. Это какое-то животное чутье, сигнал о том, что пространство вокруг резко изменилось. Когда Астер Хартман входит в здание, он не просто оказывается внутри — он заполняет собой каждый свободный сантиметр. Он чертовски высокий, почти два метра живой мощи, упакованной в огромную графитовую толстовку и темные спортивные штаны. Широкие плечи, волевой подбородок с легкой щетиной и массивные серебряные кольца на пальцах — он выглядит как ожившее божество с обложки, которое решило сойти на грешную землю. На лице — темные очки, скрывающие взгляд, но когда он приспускает их на нос, его глаза находят мои с точностью теплового наведения. Он делает первый шаг, стремясь выглядеть как несокрушимая скала, но я же профессионал. Я вижу, как он едва заметно переносит вес на левую ногу, когда наконец опускается на стул напротив меня.

— Доброе утро, — я стараюсь, чтобы мой голос звучал

максимально сухо и профессионально, хотя его оценивающий взгляд буквально прошивает меня насквозь. — Мое имя…

— Джун Вэнс, — перебивает он, и его голос оказывается именно таким, как я и представляла: низким и рокочущим. Он осматривает меня снизу вверх и обратно, не скрывая своего скепсиса. — Я думал, ты окажешься шестидесятилетней женщиной с семью кошками или, если судить по твоей визитке, девятнадцатилетней помешанной на социальных сетях девчушке в уггах и со стаканом Стенли.

Внутри все вспыхивает от его снисходительного тона. Этот парень — не первый мужчина в моей практике, который пытается выставить меня дилетанткой только потому, что я не выгляжу как суровый хирург в белом халате. Я выдерживаю паузу, медленно отпивая свой кофе.

— Странно слышать претензии к термосу Стенли от обладателя его кубка.

— Четырежды, милая, — исправляет он меня, и в его глазах вспыхивает опасный огонек.

Он не сводит с меня глаз, будто пытается заставить меня отвести взгляд первой.

— Что?

— Я четырежды становился обладателем Кубка Стенли. В этом году мне нужен он в пятый раз.

— Это вряд ли, — я без тени сомнения спускаю его с небес на землю.

Я выдерживаю паузу, соблюдая правила конфиденциальности, пока бариста приносит Астеру большую чашку с кофе. Судя по всему, он здесь частый гость — он даже ничего не заказал, но перед ним уже дымится напиток, но Хартман даже не смотрит на кружку. Его тяжелое и давящее внимание полностью сосредоточено на мне, поэтому как только бариста отходит, я продолжаю:

— Вам нужна операция, Хартман, и полгода полного покоя. Иначе через год — вы будете заново учиться ходить.

Он лишь криво усмехается, демонстрируя полное отсутствие страха перед диагнозом: откидывается на спинку стула и делает неторопливый глоток, словно мы обсуждаем не его инвалидность, а цвет его нового автомобиля.

— Этот вариант меня не устраивает, — он равнодушно пожимает плечами. — Мне нужен контракт с Нью-Йорком, а не костыли.

— Боюсь, речь идет не о костылях, мистер, а об инвалидном кресле.

— А как же мотивационные речи из соцсетей? Что-то вроде «верь, и желание станет твоим»?

Я чувствую, как внутри натягивается струна: он явно издевается, и это задевает меня больше, чем должно. Я поднимаю подбородок, встречая его вызов.

— Если вам нужны аффирмации и розовые сопли, то вы ошиблись адресом. С этим не ко мне. Мои методы включают пот, мат и реальность, в которой ваши кости не из титана.

— Неужели? — он внезапно подается вперед, сокращая расстояние между нами так резко, что я чувствую исходящий от него жар. — А я думал, "врачи" твоего калибра лечат наложением рук и обещаниями чуда.

— Моего калибра? — я прищуриваюсь, игнорируя то, как предательски участился мой пульс. — Мой калибр — это вытаскивать таких самоуверенных придурков, как вы, из ямы, в которую они сами себя загнали. Но для этого мне нужны свежие снимки и анализы, Хартман. Не те двухмесячные сказки, что вы прислали, а реальное состояние вашего колена на сегодняшнее утро.

— Исключено.

— Оу, — я позволяю себе ядовитую улыбку. — Боитесь рентгена? Не переживайте, это всего лишь еще одна возможность для вас блеснуть на фото. Уверена, ваши связки выглядят так же фотогенично, как и ваше лицо на билбордах.

Его челюсть сжимается, и я вижу, как на его шее пульсирует вена — раздражение наконец-то пробивает его маску «железного капитана».

— Я не могу зайти даже в гребаную ветеринарную клинику, чтобы через пять минут об этом не знал каждый журналист отсюда до Квебека. Любой снимок в официальном учреждении — это конец моей карьере в Нью-Йорке, милая.

— Тогда что вы хотите от меня? — я подаюсь навстречу, не отступая ни на дюйм. — Мне нужно знать, что с вашим организмом сейчас, а не гадать на кофейной гуще, которую

вы так лениво потягиваете.

— Ты права, — признает он, и его взгляд становится опасно темным. — Наверное, я слишком многое требую от так называемого врача без лицензии.

Он бьет точно в цель и знает это. Вся эта лирика о том, что он не знал, как я выгляжу — полная чушь. Астер искал меня в интернете и теперь прекрасно осведомлен, почему я лишилась лицензии, используя это как рычаг. Его слова жалят, мгновенно возвращая меня в тот день, когда Тайлер разрушил мою жизнь, но вместо того, чтобы сжаться, я чувствую холодную, концентрированную ярость, которая выпрямляет мою спину.

— Без лицензии, — соглашаюсь я шепотом. — Но вы все равно пришли ко мне, Хартман. Значит, ваши лицензированные костоправы уже сложили скальпели и отправили вас в утиль. — Я резко подрываюсь со своего места, подходя к нему почти вплотную. — Следуйте за мной.

Я уже хочу отступить, но Астер поднимается слишком резко, и он буквально возвышается надо мной. Для меня — с моим метр восемьдесят — это редкое явление. Мне приходится задирать голову вверх, чтобы встретиться с его взглядом, и на мгновение его близость кажется почти удушающей.

— Что ты задумала?

— Хочу посмотреть, насколько вы профи, когда речь заходит о настоящей боли, а не сарказме.

Я отступаю первая, и он неуверенно идет следом. Судя по

тяжелому, прерывистому звуку его шагов и тому, как он задерживается на долю секунды при каждом переносе веса, его колено чертовски сильно болит. Я толкаю дверь в комнату матери и ребенка — единственное место в этой кофейне, где есть щеколда и хоть какая-то приватность. Как только Астер переступает порог, я закрываю за ним дверь.

— Снимай штаны.

— Так сразу, милая? — хмыкает он, прислоняясь к стене и скрещивая руки на груди.

Его бицепсы натягивают ткань толстовки до предела, и комната кажется слишком маленькой для его габаритов.

— Мне нужно твое колено, Хартман. Твой член интересует меня не больше, чем последние сплетни гламурной жизни. — напоминаю я, включая кран и принимаясь тщательно мыть руки.

Я не решаюсь взглянуть на него даже через отражение в зеркале, боясь наткнуться на эту его понимающую ухмылку.

— Оо, так в пакет услуг еще входят и грязные разговорчики? — в его голосе слышится неприкрытое веселье.

— «Член» — это медицинский термин, описывающий половой орган, — чеканю я, не оборачиваясь. — А то, что ты пытаешься использовать его как аргумент в споре, лишь подтверждает твой пубертатный уровень развития.

— А как по-научному оправдываются приставания в туалете? — он начинает развязывать завязки на своих спортивных штанах, не прекращая сверлить взглядом мою спину.

— Ты хотел приватность — я тебе ее организовала, Астер. Мне нужно знать, что происходит с твоим коленом прямо сейчас.

— Так мы теперь близки настолько, что ты зовешь меня по имени? Куда же делась та показушная вежливость?

Я оборачиваюсь, прижимая локти к бокам. Пока я стелила одноразовую бумагу на низкую пеленальную скамейку и в последний раз дезинфицировала пальцы, воздух в комнате стал густым от его присутствия.

— Она испарилась, как только ты решил называть меня «милой». Снимай штаны и садись.

Астер делает шаг ближе, почти прижимая меня к раковине. Тепло, исходящее от него, сбивает настройки моего внутреннего компаса, и я почти физически ощущаю его мощь.

— Обычно я не люблю, когда мною командуют, *милая*. Но если ты продолжишь так настойчиво просить меня раздеться… я с радостью уступлю.

И он делает это — медленно, не сводя с меня вызывающего взгляда — спускает штаны до лодыжек. Когда он садится на низкую скамью, его лицо на мгновение искажается от вспышки боли: челюсти сжимаются так сильно, что на скулах перекатываются желваки, и он шумно выдыхает через нос. Его колено выглядит ужасно: отекшее, багровое, горячее даже на расстоянии.

Я тут же присаживаюсь на корточки, оказываясь между его разведенных ног. Но, прежде чем коснуться его — напо-

минаю правила:

— Я могу коснуться тебя, Хартман? — спрашиваю я, удерживая голос ровным, хотя близость его бедер к моему лицу заставляет сердце биться быстрее.

— Боишься, что я все же заявлю о приставаниях? — он криво усмехается, глядя на меня сверху вниз.

— Боюсь, что, если ты все же скажешь «да», я нажму куда-нибудь посильнее чисто «случайно».

— Оо, я буду чертовски рад, если ты коснешься меня, милая.

— Извращенец.

— Я бы назвал себя честным.

— Разве это не ты скрываешь от всей планеты, что еще чуть-чуть и твое колено взорвется?

— Милая, если ты не начнешь свою чертову пытку, стоя передо мной на коленях, боюсь, взорвется не только оно.

Я пропускаю его слова мимо ушей, напоминая себе, что он не первый и точно не последний профессиональный атлет, который пытается переплавить невыносимую физическую боль в раздражение и дешевый флирт. Это их защитный механизм — притворяться альфа-самцом, когда они даже встать не могут без посторонней помощи.

— Ты можешь коснуться меня, Джун, — тяжело выдыхает Астер, и вся его бравада на секунду осыпается, обнажая глухую, изматывающую усталость.

Поэтому я кладу пальцы на сустав, и его кожа под моими

руками обжигает. Я начинаю пальпацию — мягко, но уверенно исследую границы отека, проверяя стабильность связок. Когда я слегка надавливаю на область мениска, Астер замирает. Его мышцы на бедре каменеют, становясь твердыми как сталь. Ситуация гораздо хуже, чем я думала. У него действительно теневой перелом и разрыв мениска — результат его жертвенного стиля игры. Три месяца назад против «Чикаго» он заблокировал собой шайбу на скорости 160 км/ч, и этот удар пришелся в колено, которое уже было изношено годами, и… сейчас он явно пытается просто закачать его мышцами, чтобы оно держалось на честном слове и обезболивающих до конца сезона.

При каждом моем нажатии Астер откидывает голову на кафельную стену позади него. Он закрывает глаза, его веки подрагивают, а челюсть сжата так, что кажется, зубы вот-вот треснут. Он не стонет, не просит остановиться, только его тяжелое, горячее дыхание задевает мои волосы, выдавая масштаб боли, которую он испытывает прямо сейчас. Напряжение между нами становится почти невыносимым — смесью профессиональной жалости и моей ярости на его безрассудство.

— Можешь одеваться, — заканчиваю я, поднимаясь с колен.

Я отворачиваюсь к раковине и снова мочу руки, стараясь смыть с кожи ощущение его жара и тяжелой пульсации больного сустава. Астер не двигается. Он застыл на этой узкой

пеленальной скамье, его плечи тяжело вздымаются, а дыхание звучит прерывисто — он все еще пытается справиться с отголосками боли, которую я только что растревожила своими пальцами.

— Насколько все плохо? — его голос звучит так, будто он проглотил битое стекло.

— Хуже, чем я думала, — признаюсь я, глядя на свое бледное отражение в зеркале над раковиной. Я вытираю руки бумажным полотенцем, стараясь не смотреть на него. — Но какое тебе дело до мнения нелицензированного врача, Хартман?

— Я серьезно, Джун, — он наконец открывает глаза, и когда я оборачиваюсь, то вижу в них обжигающую ярость вперемешку с неприкрытой болью. — Мне нужно это исправить.

— Здесь нужна операция, Астер. А я не хирург и…

— Ну что-то же ты можешь сделать?! — почти рявкает он. — Макс сказал…

— У Максвелла была совершенно другая ситуация! — я разворачиваюсь к нему, не скрывая своего нарастающего раздражения. — Он закончил карьеру и мог позволить себе полноценное восстановление. А ты дотянул до последнего и все еще не в состоянии признать, что ты — человек, а не гребаная машина.

— Но я здесь, черт возьми! — он резко подается вперед, забыв о всех приличиях. — Я стою перед незнакомкой в туа-

лете чертовой кофейни без гребанных штанов. Что еще мне сделать, чтобы ты начала творить свои чудеса?

— Я не творю чудес, Астер. Я врач, а не фея-крестная.

— В этот раз тебе придется ею стать, милая. Потому что у меня нет другого выхода.

— Это невозможно, — я качаю головой, чувствуя, как внутри все протестует против этой затеи. — Мы не сработаемся. Ты не умеешь подчиняться, а я не умею работать с теми, кто считает себя бессмертным.

— Ради карьеры я сделаю все, слышишь? Все.

Я фыркаю, скрещивая руки на груди и окидывая его скептическим взглядом.

— Все? Серьезно? Значит, ты готов отказаться от сахара, кофе и алкоголя? Готов к ежедневным трехчасовым физио-тренировкам, от которых тебя будет тошнить? К массажу, после которого мои пальцы будут в твоей крови, а ты будешь умолять меня остановиться?

— Если это мне поможет — да, — отрезает он.

В его взгляде появляется та самая фанатичная решимость, которая, вероятно, и сделала его капитаном: она давит, подчиняет и не оставляет места для сомнений.

— Это не спасет тебя от операции, Астер, — настаиваю я, делая шаг ближе, чтобы он почувствовал всю серьезность моих слов. — В лучшем случае ты доиграешь сезон и плей-офф. Но потом тебе все равно придется лечь под нож. Восстановление может занять меньше времени, если наша сов-

местная работа пройдет эффективно, и…

— Хорошо. Если это не растянется на полгода — я готов на все.

Я молчу, лихорадочно взвешивая все «за» и «против», пока тишина в маленькой комнате становится оглушительной. Мое будущее, моя финансовая независимость и мечта о собственной клинике стоят на одной чаше весов, а на другой — его разбитое колено и шесть месяцев гарантированного ада. Шесть месяцев, чтобы приблизиться к своей цели, как никогда прежде.

— Ты читал условия моего контракта? — спрашиваю я, наконец нарушая молчание.

— Да, меня все устраивает. У меня есть гостевые комнаты, современный спортзал, и я закажу любое оборудование, которое ты назовешь, и… все расходы во время выездных игр так же на мне.

Он все еще сидит передо мной без штанов, возвышаясь надо мной даже в таком положении. В его взгляде — гремучая смесь из стальной решимости и едва уловимой, почти невозможной для такого человека мольбы. Он загнан в угол, и я — его последний шанс не сорваться в пропасть.

— Ну же, Джун, — его голос становится тише, приобретая опасную, вкрадчивую глубину, от которой по моей коже пробегает предательская дрожь. — Не заставляй меня вставать на колени и умолять тебя. Мы оба знаем, что сейчас я физически этого не потяну, особенно — когда я без штанов.

Я лишь тяжело выдыхаю, понимая, что точка невозврата пройдена.

— Я пришлю договор к полудню сегодняшнего дня, — я поднимаю на него глаза, вкладывая в свой взгляд всю строгость, на которую способна. — Как только подпишешь его — мы тут же начнем. Добро пожаловать в ад, Хартман.

Он кивает, провожая меня взглядом, когда я резко открываю дверь комнаты матери и ребенка и выхожу в полупустой зал кофейни, оставляя его одного в тишине холодного кафеля. Каждое мое движение кажется механическим. Я иду к выходу, и в голове живет только одна мысль: это чертовски плохая идея.

Обычно я работаю с теми, кто уже завязал со спортом, или с богачами, восстанавливающимися после аварий — с людьми, которым не нужно завтра выходить на лед и подставляться под удары, но… сейчас все иначе. Мой план по обретению свободы только что получил лицо, имя и фамилию — Астер Хартман. И я кожей чувствую, что эта сделка с дьяволом изменит мою жизнь навсегда.

Замах третий. Джун

So far so fake - Pierce the Veil

Я раскладываю вещи в гостевой спальне, стараясь игнорировать давящую пустоту этого места. Окна в пол открывают вид на город, но внутри царит холодный минимализм: слишком много свободного места и мало жизни. Я три дня не спала, вымеряя каждую минуту его графика, превращая его жизнь в схему, где каждый вдох теперь принадлежит мне. Официально я — «ассистент по лайфстайлу», и эта нелепая формулировка жжет горло всякий раз, когда я о ней вспоминаю. Моя докторская степень и лицензия физиотерапевта высшей категории пылятся в столе, пока я притворяюсь кем-то, у кого власти не больше, чем у личного стилиста.

Это все, что мне осталось после того, как моя репутация превратилась в пепел. Официально меня не лишили права практиковать — не смогли доказать вину — но в профессиональных кругах я теперь навсегда «та, что подставила Тайлера Рида». Теперь мои клиенты находят меня по сарафанному радио, шепотом передавая контакты того самого врача, который «воскрешает» мертвые суставы, когда официальная медицина умывает руки. Им плевать на лицензию, им нужен результат, а мне нужны их чеки, чтобы вкладывать каждый цент в свою будущую независимость. Хартман — мой шанс окончательно выкупить свою свободу, но сейчас я чувствую

только глухую изоляцию, будучи запертой в этом стеклянном склепе с человеком, который не хочет лечиться.

Я переодеваюсь в спортивный костюм: дорогие брендированные лосины сидят как вторая кожа, топ с длинным рукавом подчеркивает плечи. Собираю светлые волосы в высокий, намеренно небрежный хвост и выхожу на кухню. До тренировки полчаса — самое время для зачистки территории. Кухня в пентхаусе выглядит как декорация к фильму: темные поверхности, безупречный гранит и панорамный вид на предзакатный Сиэтл, окрашенный в оранжево-пурпурные тона. Здесь слишком тихо и просторно для одного мужчины, но я пришла сюда не сочувствовать его одиночеству: поэтому я открываю шкафы и начинаю безжалостную ревизию, отправляя в мусорку все, что не вписывается в мой план его восстановления.

Потому что Астер не соврал — он оплатил буквально все. Я привыкла сама закладывать расходы на чью-то жизнь в свой гонорар, но Хартман выдал мне безлимитную кредитку и аванс, который я тут же перевела на счет своей будущей клиники. Теперь я с каким-то мстительным удовольствием заказываю доставку правильных продуктов, очищая его полки от сахарного мусора.

— Что здесь происходит? — раздается хмурый, приправленный беспокойством голос за моей спиной.

Я даже не оборачиваюсь, продолжая выгребать очередную упаковку переработанного дерьма с нижней полки.

— Уничтожение твоих запасов всякой гадости.

— Хочешь остаться единственной сладостью в моем доме? — его голос вибрирует от ленивого, почти осязаемого сарказма.

Я игнорирую его выпад, с глухим стуком отправляя пачку шоколадного печенья на дно мусорного ведра.

— Неужели кто-то действительно ведется на подобные фразочки?

— Ты повелась?

— Боюсь, что нет.

— Очень жаль.

— Очень глупо, — поправляю я его, наконец закрывая дверцу шкафа. — Перечитай условия нашего контракта, Хартман. Ты не можешь флиртовать со мной.

— Мы можем поменяться местами, — парирует он, и по звуку я понимаю, что он делает шаг ближе, нарушая мои границы. — Ты можешь начать флиртовать со мной, а я — буду строить из себя недотрогу.

— Я пас.

— Я тебя не привлекаю?

— Я на тебя работаю, Астер.

— Это не ответ на мой вопрос, милая.

— Хватит называть меня «милой».

— Тогда ты ответишь?

Я устало выдыхаю и наконец оборачиваюсь. Он стоит, привалившись к кухонному острову, и я на секунду зами-

раю. Утром он был в уличной одежде, но сейчас он выглядит пугающе домашним: белоснежная футболка обтягивает его мощный торс, а серые баскетбольные шорты открывают вид на его сильные ноги. Это выглядит слишком сексуально, даже учитывая, что его колено затянуто в уродливый багрово-черный отек. Его огромная фигура в этом интерьере кажется одновременно инородной и странно правильной, и все же — я подхожу к острову, упираясь ладонями в гранит, так что между нами остается всего лишь жалкий уголок камня.

— Я предпочитаю баскетбол, Астер, и... скорее всего, блондинов.

— Это значит «нет»?

— Именно.

— Я все равно не стал бы с тобой спать, — фыркает он и растягивается в той самой ленивой, самодовольной ухмылке, которая обычно сводит женщин с ума.

— Хорошо, — я просто пожимаю плечами и отворачиваюсь обратно к ящикам, теряя к разговору всякий интерес.

— Хорошо?! — переспрашивает он, и в его голосе прорезается отчетливое недовольство моим безразличием. — И это... вся твоя реакция?

— Оо, прости. Мне следовало поплакать из-за этого? Я в состоянии пережить факт того, что кого-то не привлекаю.

— Неужели?

«Нет» — орет мой внутренний голос. Мое эго, изрядно побитое прошлым опытом, тихо скулит где-то в районе сол-

нечного сплетения, но внешне я остаюсь ледяной скалой. Ему не обязательно знать, что он чертовски хорош собой.

— Ага, — вру я, продолжая свою ревизию. — Я работала с десятками спортсменов и влиятельных людей, Астер. И вторая главная причина, по которой меня советовали и по которой я всегда находила работу — я никогда не спала со своими клиентами.

— У большинства твоих клиентов наверняка просто не вставало.

— Опять собираешься упомянуть свой член, Астер? Еще немного, и я начну думать, что у тебя комплексы.

— Хорошим людям скрывать нечего, милая. Ты только попроси, и я снова ради тебя откажусь от штанов.

— Все еще пас, — я закатываю глаза, дотягиваясь до самой высокой полки шкафа.

Кончики моих пальцев едва касаются края картонной коробки. Я вытягиваюсь в струнку, чувствуя, как спортивная кофта предательски задирается на пояснице, обнажая полоску кожи, и тут же чувствую, как его взгляд задерживается именно там.

— Я понимаю, зачем ты все это делаешь, Хартман. Не ты первый — не ты последний.

— О чем это ты? — его голос звучит уже ближе, вибрируя где-то у моего затылка.

— Ты злишься, — пожимаю я плечами, все еще отчаянно сражаясь с верхней полкой и стараясь не выдать того, как

сильно меня напрягает его близость. — Чувствуешь себя загнанным в угол из-за колена, поэтому дерзишь, прощупываешь мои границы, провоцируешь. Я видела это десятки раз, но...

Я так и не могу дотянуться до пачки с хлопьями, когда Астер оказывается прямо у меня за спиной. Его присутствие накрывает меня, как тяжелая грозовая туча, вытесняя весь кислород из легких. Он легко достает коробку, его рука проходит в миллиметре от моего уха, но он не спешит отдавать ее мне, вынуждая меня обернуться.

Теперь я зажата в клетку между его мощными руками и кухонным шкафом, чувствуя, как от него пахнет мятой и какой-то свежестью, что заставляет мои чувства обостриться до предела.

— Так уж и быть, я пропущу мимо ушей всю эту чушь про то, что ты якобы знаешь меня, — он говорит это низким, рокочущим голосом, глядя мне прямо в глаза, и я кожей чувствую его превосходство. — Но только если эти хлопья останутся.

— Там чертовски много сахара и...

— Мне плевать. Это единственное, чем я завтракаю, милая.

— Теперь не будешь, — я хмурюсь, изо всех сил игнорируя то, как предательски быстро начинает биться мой пульс от такой близости. — Я здесь, чтобы помочь тебе, поэтому с сегодняшнего дня ты ешь то, что я приготовлю.

Астер наклоняет голову, его взгляд на мгновение опускается к моим губам, становясь тяжелым и тягучим, прежде чем снова вернуться к глазам.

— А если отравишь?

— Тогда можешь смело подать на меня в суд.

— Будучи трупом, это вряд ли получится.

— Но, когда кухонные ножи в миллиметре от меня, — я указываю глазами на разделочную доску слева, стараясь сохранить голос ровным, — шансов стать им куда больше, если ты сейчас же не отойдешь.

Он хмыкает, но не двигается с места ни на дюйм, явно наслаждаясь моей отчаянной попыткой сохранить профессиональную дистанцию в условиях, когда между нашими телами не просунуть и листка бумаги. Его взгляд сканирует мое лицо, ища хоть малейший признак того, что я сдамся.

— Хлопья останутся, — настаивает он.

— Тогда уйду я, — мой голос звучит спокойно, без тени сомнения.

Я смотрю ему прямо в глаза, показывая, что не блефую, но Астер прищуривается, и в его зрачках вспыхивает опасный, азартный огонек.

— Это шантаж, милая.

— Я пытаюсь спасти твою карьеру, Астер. Извини, если ради этого тебе придется отказаться от сахара.

Я не отвожу взгляда. Мы стоим так несколько бесконечных секунд — он, огромный и привыкший ломать любое со-

противление одним своим весом, и я, не имеющая права на слабость, если хочу вытащить его из той ямы, в которую он сам себя загнал. Напряжение между нами густеет, становясь почти осязаемым, наэлектризованным, но я не позволяю себе даже сглотнуть.

Наконец, Астер делает глубокий, шумный вдох, и его челюсть чуть расслабляется.

— Ладно. Один-ноль в твою пользу, Док. Но не привыкай.

Он резко отстраняется, и я наконец-то могу нормально вздохнуть, хотя воздух в кухне все еще, кажется, заряженным током. Он всматривается в коробку хлопьев, словно она — его последний друг, и сам, нарочито небрежным жестом, выкидывает ее в мусорный бак.

— Буду готов через пять минут, — бросает он, не оборачиваясь, и направляется в свое крыло квартиры.

Его шаги тяжелые, размеренные, и я снова слышу этот едва уловимый сбой в ритме — секундную заминку при переносе веса на больную ногу. Я смотрю ему вслед, понимая, что эта маленькая победа — лишь начало долгой и изнурительной войны. Я достаю телефон, чтобы проверить время начала нашей тренировки в зале, и замечаю, что мои пальцы все же слегка подрагивают. Не от страха перед ним. А от осознания того, как чертовски сложно будет держать эту оборону следующие несколько месяцев.

Поэтому, когда мы спускаемся в спортзал в его жилом комплексе, я стараюсь держаться как можно дальше — что

ни черта не просто, когда моя прямая обязанность — буквально касаться его тела. Я мысленно ставлю галочку в своей голове: больше никогда не работать с горячими спортсменами, потому что впервые в жизни мне действительно нравится наблюдать, как кто-то так старательно и красиво потеет.

Хотя все, что я делаю — это заставляю его выполнять нудные, медленные упражнения на стабилизацию. Никаких весов, никакого драйва — только он, балансировочная платформа и я.

— Просто стой ровно, — чеканю я, когда он делает очередной неловкий взмах руками, пытаясь поймать равновесие. — Твоя стопа сейчас ловит микросигналы, а связки учатся работать быстрее, чем ты успеешь подумать.

Астер выглядит почти нелепо в этом упражнении. Огромная машина, способная снести на льду любого противника, сейчас потеет больше, чем при жиме штанги в полтора центнера. Его мышцы дрожат от напряжения: это ювелирная работа над мелкими мышцами, и его эго явно страдает от такой «девчачьей» нагрузки.

— Ты уверена, что эти упражнения для принцесс мне помогут? — выдавливает он сквозь зубы.

Его здоровая нога подрагивает, а на лбу проступает крупная испарина.

— Ой, прости, — ядовито улыбаюсь я, готовясь к следующему броску мяча. — Забыла, что громилы вроде тебя не признают ничего, кроме железа. Прекрати болтать, ты сби-

ваешь дыхание.

— Да, это определенно не тот способ, которым я хотел бы его сбить, — хрипит он, ловя мяч и едва не заваливаясь в сторону от резкого движения.

— Я думала, мы закрыли эту тему еще на кухне.

— Милая, — он выплевывает это слово вместе с тяжелым, горячим выдохом, — ты заставляешь меня потеть и стонать, даже не касаясь меня. Извини, если у меня это вызывает... диссонанс.

Я игнорирую его выпад и делаю шаг ближе, внимательно следя за углом изгиба его колена.

— На сколько баллов ощущается боль?

— Что? — он переводит на меня затуманенный взгляд, в котором боль смешивается с раздражением.

— От одного до десяти. Насколько сильно сейчас болит твое колено?

— Не знаю, — рычит он, смахивая пот свободным плечом. — Четыре. Мы теперь все собираемся измерять в категориях сабмиссивов?

— Дай мне только повод увеличить твою «четверку» до «девятки», Астер, и клянусь богом, я...

Дверь спортзала с грохотом распахивается, ударяясь о стену. Я мгновенно отступаю на шаг, обрывая фразу на полуслове, и мы оба оборачиваемся на шум. Но в Астере мгновенно что-то меняется: исчезает разболтанный, саркастичный парень, который только что отпускал шуточки про са-

бмиссивов, и его место занимает ледяной, собранный проф спортсмен. Это пугает — то, как быстро он воздвигает эти стены. Его плечи расправляются, взгляд каменеет, и он сходит с неустойчивой платформы так уверенно, будто его колено не разрывается от боли в этот самый момент.

— Хартман? — в теплой улыбке расплывается мужчина, вошедший в зал.

— Бобби, — Астер делает шаг навстречу и пожимает ему руку, голос звучит ровно и твердо. — Не поздновато для тренировки?

— Могу сказать о тебе то же самое, — Бобби прищуривается, окидывая Астера оценивающим взглядом, от которого у меня холодеет внутри. — Разве у вас не было командного льда сегодня утром?

— Да, просто... — Астер делает едва заметное, почти неуловимое движение, одергивая штанину своих спортивных брюк. — Решили дополнительно потренироваться с...

— Джун, — напоминаю я, делая шаг из его тени.

Я натягиваю на лицо самую убедительную из своих профессиональных улыбок и протягиваю руку мужчине.

— Верно, извините, — Астер бросает на меня короткий, нечитаемый взгляд. — Это Роберт Деклан — генеральный директор «Сиэтл Сторм» и по совместительству наш сосед.

— Очень приятно познакомиться, — произношу я, и это почти не ложь.

Деклан — легендарная личность в мире спорта, но сейчас

меня гораздо больше беспокоит то, как сильно Астер сжал челюсти.

— А это... Джун, — Астер делает паузу, и я кожей чувствую, как он принимает какое-то решение. Его рука собственническим жестом ложится мне на талию, пальцы уверенно впиваются в бок, притягивая к своему горячему телу. — Моя девушка.

Я замираю, не в силах поверить в то, что только что услышала. Мозг на мгновение просто отключается. Его ладонь на моей талии кажется клеймом, обжигающим через тонкую ткань, а моя улыбка окончательно превращается в неподвижную каменную маску. Все, что я могу в этот момент — это нервно сглотнуть, чувствуя, как ловушка захлопывается с глухим, фатальным щелчком.

— Девушка? Это же потрясающе, сынок! — Бобби расплывается в искреннем восторге.

Он тут же обнимает Астера, похлопывая его по спине так сильно, что я удивляюсь, как Хартман удерживает равновесие на своей «четверке» по шкале боли.

Затем Бобби переключается на меня и притягивает в теплое, почти отцовское объятие. Я стою как вкопанная, не зная, куда деть руки, и чувствую себя полным ничтожеством из-за этой внезапной лжи.

— Мы давно говорили ему, что уже пора. Твоя мама, наверняка, в полном восторге!

— Вообще-то, мы еще никому не говорили, — быстро

тормозит его Астер, и я чувствую, как его пальцы чуть сильнее впиваются в мой бок, безмолвно призывая подыграть и не портить момент.

— Да, мы предпочитаем хранить эту тайну даже друг от друга. Правда, Астер? — шиплю я, едва шевеля губами, чтобы меня услышал только он.

— Оо, конечно, я понимаю, — кивает Бобби, заговорщицки подмигивая нам. — Ваш секрет — мой секрет. Можете на меня положиться, ребятки.

— Спасибо, сэр, — кивает Астер.

— Да брось, мы же как семья. Я был первым после твоего отца, кто узнал о беременности твоей мамы.

— Такова уж участь лучших друзей, — согласно морщится Хартман, и я вижу, как мимолетная тень вины или раздражения пробегает по его лицу. — Ну, нам пора.

Он заявляет это так внезапно, что я едва не спотыкаюсь о собственную ногу.

— Уже? — одновременно с Бобби отзываемся мы.

— Да, я совсем забыл, что... у нас назначено свидание. Большущий сюрприз для Джун.

— Куда уж больше этого? — я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза прямо на глазах у его генерального директора.

— Что ж, — первым отмирает Бобби, все еще сияя так, будто он только что выиграл Кубок Стэнли, — рад был познакомиться, Джун.

— Я тоже, сэр.

— Прошу, для семьи я просто Бобби.

— Конечно, Бобби.

В ту же секунду Астер перехватывает меня за плечо и буквально выталкивает за дверь спортзала, не давая директору опомниться.

— Еще увидимся! — кричит ему Хартман, и чертова дверь наконец закрывается за нашими спинами.

Мы оказываемся в пустом коридоре, и тишина здесь кажется оглушительной после грохота моего собственного сердца. Я сбрасываю его руку со своего плеча так резко, будто она была ядовитой змеей, и разворачиваюсь к нему, готовая рвать и метать.

— Какого черта это было?!

— Я не знаю, — тут же тараторит он, мотая головой, и этот жест выдает его истинное состояние — он на грани. — Клянусь богом, я… я просто растерялся. Это первое, что пришло мне в голову и…

— Назвать себя моим парнем? До кровных уз тебе мозгов не хватило?

— Назвать тебя моей сестрой? — он морщится, будто мы обсуждаем что-то в высшей степени противное. — Начнем с того, что этот человек — лучший друг моего отца и знает мою родословную вдоль и поперек. А во-вторых — мысли в моей голове уж точно не братско-сестренские, милая.

— Раз вы так близки, почему нельзя было сказать ему правду?

— Потому что тогда он начнет волноваться обо мне как о родственнике. И мало того, что я не увижу контракт с Нью-Йорком, так еще и окажусь на скамейке запасных в родной команде до конца сезона.

— Ты должен все исправить и...

— Зачем?

— Извини? — я прищуриваюсь, не понимая, куда он клонит.

— Сама подумай — это идеальное прикрытие. Я думал, что мне придется скрывать тебя, придумывать оправдания, но, когда он уже в курсе... это дает мне легальный повод, почему ты всегда рядом.

— Он узнает, кто я, и...

— Плевать, — снова перебивает он, и его глаза лихорадочно блестят. — Скажем, что познакомились три месяца назад в какой-нибудь клинике. Мне сказали, что я здоров, я был счастлив, у выхода столкнулся с тобой и тут же влюбился.

— Этого не будет, Астер. Я не встречаюсь со спортсменами. У меня аллергия на ваше эго и привычку врать всем подряд.

— Может, в реальной жизни ты и держишь дистанцию, милая, но… послушай. Мне это тоже не нравится. Я не привык к... неважно. Ты просто будешь рядом по разумным для всех причинам. Нам не придется прерывать лечение, а мне — объяснять, почему я везде таскаюсь за одной и той же де-

вушкой.

— Займись собственной жизнью, Астер.

— Оо, милая, я только что поимел девушку.

— Ты просто невозможен.

— Ты полюбишь меня, Джун, — с лукавой, невыносимо самоуверенной ухмылкой тянет он, делая шаг ко мне, — особенно — когда я добавлю к твоему чеку еще пару нулей за «вредность» и актерское мастерство.

И тогда внутри меня начинается настоящая война. Его травма критическая, он на грани катастрофы, и, если я уйду сейчас, он уничтожит себя за неделю, просто чтобы доказать свою крутизну, но… он очередной спортсмен. Они только и делают, что разрушают мою жизнь, превращая мои труды в пыль. С другой стороны — если он действительно заплатит больше, и при этом никто из «своих» не узнает... это буквально деньги из воздуха. Я ненавижу саму идею продавать себя за этот фальшивый статус, но без этих денег… моя клиника так и останется просто красивой мечтой на бумаге.

Я тяжело выдыхаю, чувствуя, как гнев внутри сменяется холодной решимостью, и поднимаю на него глаза, полные раздражения.

— Об этом никто не должен узнать, — грожу я, упираясь указательным пальцем прямо в его твердую грудь. — Ни СМИ, ни твоя семья, и уж тем более — не моя.

— Бобби никому не скажет, клянусь.

— И только попробуй распустить свои руки без свидете-

лей, Хартман, — шепчу я, делая голос максимально опасным, — иначе твоя следующая травма будет не на колене.

— Снова будем болтать о моем члене, милая?

— Мерзавец, — злюсь я, разворачиваюсь на пятках и иду к лифту.

Меня трясет от смеси гнева и раздражения, но сквозь этот шум пробивается странное, пугающее чувство — я как никогда близка к тому, что моя мечта станет реальностью. И все же, нажимая на кнопку вызова лифта, я молюсь только об одном: чтобы Роберт Деклан действительно никому о нас не сказал.

Замах четвертый. Астер

Delicate – TaylorSwift

Роберт Деклан рассказал о нас всем.

И вот уже десять дней я проживаю в персональном аду, раз за разом получая свое чертово наказание за ту минутную слабость в спортзале. Мой пентхаус, который раньше был единственным местом, где я мог зализать раны в тишине, перестал быть моей крепостью. Теперь это филиал медицинской библиотеки и склад здорового питания. Я вспоминаю эти полторы недели как затянувшийся тест на стрессоустойчивость, который я с треском проваливаю каждое утро, когда открываю холодильник и не нахожу там ничего, кроме зелени и контейнеров с пресной индейкой.

Я прячусь в своей комнате, пытаясь сосредоточиться на капитанских делах и изучении тактических схем, но через закрытую дверь безжалостно пробивается звук ее очередного подкаста о нейрофизиологии. Этот монотонный голос диктора вперемешку с запахом корицы и чего-то еще — «полезного», как она говорит — выводит меня из себя. Тишина была моей единственной религией, а Джун Вэнс — ее главная еретичка.

«Как заставить девушку навсегда исчезнуть из моей жизни?»

Я бесцеремонно печатаю сообщение младшей сестре, в

надежде хоть как-то отвлечься. К моему огромному счастью, она отвечает мгновенно, словно только и ждала повода меня подколоть.

«Твой телефон взломали или что? С каких пор у тебя появилась девушка?!»

«Я о Джун»— набираю я, чувствуя, как сводит челюсть. *— «Она заставляет меня ненавидеть собственную жизнь и испытывать никчемность».*

«Я уже до безумия хочу познакомиться с этой девушкой!»— летит ответ от сестры.

Я закатываю глаза, и раздражение достигает своего пика. Все, с меня хватит. Мне нужно встретиться с Максом, чтобы узнать, как ее приручить, потому что ничего из моих собственных идей мне не помогло. За эти десять дней я перепробовал все: я дерзил ей, я демонстративно игнорировал ее присутствие, я пытался задавить ее своим авторитетом и холодностью, но этой девчонке… ей совершенно все равно. Она просто смотрит на меня своим колючим взглядом, записывает что-то в свой планшет и заставляет делать еще один подход.

Я выхожу из комнаты, готовый высказать ей все о децибелах, о порядке в моем доме и о том, что ее подкасты нарушают Женевскую конвенцию, попутно накидывая на себя куртку. Мое колено привычно ноет, напоминая, кто здесь истинный виновник моего паршивого настроения и этой добровольной тюрьмы.

Но в гостиной я внезапно замираю. Она не работает. Джун спит, свернувшись на моем диване, окруженная своими атласами и бесконечными записями. Весь кофейный столик завален схемами коленных суставов, исписанных ее мелким, плотным почерком — она явно сидела над моими снимками до рассвета.

Без своей ледяной маски профессионализма она выглядит... иначе. Кажется почти хрупкой в этой огромной футболке, с выбившимися из хвоста прядями волос, но… она все так же раздражает меня самим фактом своего нахождения на моем диване, поэтому я решаю, что справлюсь с поездкой и без нее.

Я собираюсь тихо отступить, незаметно выскользнуть из квартиры и, может быть, даже рискнуть — самому сесть за руль, но… краем штанины я задеваю ее дурацкий пластиковый макет колена, который она оставила прямо на полу, и конструкция с грохотом разлетается на части.

— Ты в порядке? — первое, что она спрашивает, подпрыгивая с дивана.

Она выглядит сонной и дезориентированной: моргает, пытаясь понять, что происходит и откуда взялся этот шум.

— Было бы лучше — не будь здесь так грязно, — огрызаюсь я, глядя на обломки под ногами.

— Не моя вина, что ты не смотришь под ноги, — она мгновенно приходит в себя, и ее сонная мягкость исчезает быстрее, чем я успеваю ее зафиксировать.

— Твоя вина в том, что ты все разбрасываешь. Это не гостиная, а… руины.

— Тогда ты перепутал швабру с ключами от машины, — кивает она мне, указывая на вещи в моих ладонях. — Я думала, что ясно дала тебе понять, что водить в ближайшее время — не вариант.

— До Макса ехать пятнадцать минут, — протестую я, закатывая глаза.

— Что сократит твое выздоровление на пару недель, — тут же парирует она, поднимаясь на ноги. — Я отвезу тебя.

Джун движется ко мне, когда я вбиваю адрес Макса в своем телефоне, пытаясь сохранить остатки независимости.

— Я уже заказываю такси.

— Это еще зачем? Это моя работа, Астер. Присматривать за тобой и быть твоей…

— Нянькой? Спасибо, Джун, но я пас.

— Ты же в курсе, что ты буквально платишь мне за это? — она складывает руки на груди, глядя на меня с этим своим фирменным вызовом.

— Я в состоянии доехать до друга и без твоей помощи.

Она щурится, изучая меня, прежде чем ее губы растягиваются в медленной, подозрительно лукавой улыбке.

— Боишься оказаться со мной наедине в замкнутом пространстве, Эйс?

— Еще чего, — тут же морщусь я, — скорее боюсь, что моя новая тачка пострадает.

— Что ты водишь? — не сбавляя своего вкрадчивого, почти флиртующего тона, продолжает она.

— Внедорожник. Джи-класс.

— Ну, — она пожимает плечами, слегка облизывая свои губы, и делает шаг ко мне. — Просто чтобы ты знал — я прекрасно умею обращаться с большими штуками. Они… буквально плавятся в моих руках, стоит мне только их коснуться.

Я тяжело сглатываю. Мой мозг предательски подбрасывает мне грязные картинки, которые вообще никак не связаны с автомобилями. Я чувствую, как внизу живота все натягивается, и сам не замечаю, как рука разжимается, передавая ей ключи.

— Боже, Астер, — она заливается громким, чистым смехом, запрокидывая голову назад, как только чувствует металл ключей в своей ладони. — Тебя было так легко развести.

Мне приходится моргнуть пару раз, прежде чем мозг полностью обрабатывает случившееся. Она развела меня как мальчишку, сказав одну чертову грязную фразочку, и… это начинает меня уже не раздражать, а по-настоящему злить. Особенно когда она обходит меня, направляясь к выходу, будто это не она только что выбила у меня почву из-под ног.

— Постой-ка, — торможу ее я, аккуратно потянув за локоть, чтобы она развернулась. — А ты не хочешь сперва… тут убраться?

— Я отвезу тебя и обязательно займусь этим, — вырывается она и отходит к прихожей, чтобы накинуть куртку. — Если снова не засяду за работу. Идем.

Джун вызывает лифт, и двери разъезжаются практически мгновенно, приглашая нас внутрь. Я стараюсь держаться от нее на максимальном расстоянии, вжимаясь в противоположный угол кабины, но мой взгляд снова и снова скользит к ней. Она стоит перед зеркалом, абсолютно невозмутимая, и неспешно красит губы бордовым блеском. Кабина тут же наполняется густым, сладким ароматом вишни, который забивается мне в легкие. Наблюдать за тем, как она очерчивает контур своих губ, чертовски трудно, особенно когда в голове все еще крутится ее недавнее упоминание о «больших штуках». Это сбивает меня с толку, заставляя гадать, играет она со мной или просто живет в своем ритме, пока я медленно схожу с ума.

Уже в машине я первым делом тянусь к панели и включаю радио, надеясь, что новости или какой-нибудь безликий рок помогут мне отвлечься от запаха вишни. Но Джун, даже не спросив разрешения, подключает свой телефон, и салон внезапно заполняется голосом Тейлор Свифт.

— Я такое не слушаю, — я решительно мотаю головой и тянусь к кнопке, чтобы переключить этот девчачий рай.

— Хэй, — она тут же ощутимо бьет меня по рукам, не давая сменить волну. — Кто ведет — тот и музыку заказывает.

— Ну уж нет, милая, не в моей тачке.

— Слишком мужественный для «девчачьих» песен?

«Слишком боюсь начать подпевать» — тут же проносится у меня в голове. Я буквально чувствую, как слова песни пытаются сорваться с моих губ, и мне приходится приложить усилие, чтобы сохранить лицо.

— Я просто хочу… чтобы ты сосредоточилась на дороге, а не отвлекалась на карпул-караоке.

— Не знала, что ты в курсе подобного, — ее глаза мгновенно загораются интересом, когда она выруливает с подземной парковки на свет.

Я сильнее сжимаю ручку двери, проверяя свободной рукой, плотно ли защелкнут ремень безопасности.

— По-твоему, я из пещеры? Временами я смотрю телевизор.

— И твой выбор останавливается на поющих в машине звездах? — она продолжает подтрунивать, явно наслаждаясь моей защитной реакцией. — Просто расслабься и подпевай. Твой секрет умрет вместе со мной.

— Теперь ты говоришь о собственной смерти, когда ведешь мою машину? Я понятия не имею, чем так прокосячился перед вселенной, что она подкинула мне тебя, но… черт, ты хотя бы можешь тормозить плавнее?!

Джун ничего не отвечает, она лишь сильнее заливается смехом, откидывая голову назад. Понятия не имею, почему после обеденного сна у нее такое подозрительно хорошее настроение, ведь… до этого она несколько дней ходила угрю-

мая, словно туча, и мне знатно прилетало за каждую мелочь, а теперь она смеется надо мной так, будто я ее личный комик.

— Ты перестраиваешься как пенсионерка на воскресной прогулке, милая, — не унимаюсь я, пытаясь заглушить то, как она начинает едва слышно напевать себе под нос.

— А ты ведешь себя как капризная принцесса.

— Капризная принцесса? Ты дважды нарушила правила дорожного движения, пока пропускала всех подряд.

— Тогда мне повезло, что штраф придет на твое имя.

— Я вычту его из твоей зарплаты, — я закатываю глаза, прекрасно зная, что никогда этого не сделаю. — Ты вообще видела, что там стоит знак?

— Оо, я не сказала? У меня зрение ниже среднего и, кажется, я забыла надеть линзы, когда мы срочно подорвались к Максу.

— Ты это не серьезно, — я резко оборачиваюсь к ней, бросая на нее обеспокоенный и злой взгляд.

— Нет, — хмыкает она, ничуть не смутившись. — Но твое выражение лица того стоило.

Я зажмуриваюсь и медленно трясу головой, стараясь прогнать картинку нашей аварии и желание придушить ее прямо здесь. В этот момент я уже не хочу ничего: ни тишины, ни встречи с Максвеллом, ни этой чертовой поездки. Я хочу только одного — наконец выбраться из этого замкнутого пространства, где пахнет вишней и поет Тейлор Свифт.

К моему огромному счастью, спустя два светофора мы наконец паркуемся у дома Макса. Пока мы ехали последние кварталы, атмосфера в машине незаметно изменилась — первоначальная агрессия выдохлась, оставив после себя какое-то странное, почти уютное послевкусие. Я уже тянусь к ручке двери, готовясь к привычной борьбе за свою независимость: я жду, что она сейчас выйдет следом, начнет давать мне напутствия или проверять, как я ступаю на ногу, но Джун даже не смотрит в мою сторону. Она просто достает телефон и проверяет какие-то уведомления.

— Просто позвони мне, когда освободишься, и я вернусь за тобой. Не вздумай идти пешком даже два квартала, Хартман, — предупреждающе произносит она, не отрываясь от экрана.

Я тяжело выдыхаю и выхожу из машины, кожей чувствуя ее взгляд на своей спине. Она не пытается контролировать мою встречу или лезть в мои дела. Она просто... страхует меня. И для кого-то вроде меня, привыкшего всегда и все тащить на себе, это ощущается чертовски непривычно. И пугающе хорошо.

Замах пятый. Джун

Roman holiday - Halsey

— Нам обязательно идти? — я закатываю глаза, стараясь скрыть за сарказмом тупую тревогу, которая ворочается где-то под ребрами. — Ты только после игры, Хартман. Тебе нужен лед, массаж и...

— Я обещал, что буду там, милая, — напоминает он, небрежно стягивая с себя галстук. Его голос звучит глухо, с той самой хрипотцой, которая появляется у него после запредельных нагрузок. — Парни хотят познакомиться с тобой и… Бобби тоже будет там.

Я чувствую, как внутри закипает желание придушить его прямо здесь, в этом тесном салоне, его же собственным галстуком. Придушить за его непроходимую глупость и это мальчишеское безрассудство. За то, что ему вообще хватило ума назвать меня своей девушкой перед лицом всей верхушки «Штормов». Теперь вместо того, чтобы делать свою работу — возвращать его колено к жизни в тишине гостиничного номера — я вынуждена таскаться с ним по сомнительным барам, натягивая фальшивую улыбку.

Салон автомобиля кажется слишком маленьким для нас двоих. Мне пришлось взять самый неприметный каршеринг, какой только нашелся в приложении, чтобы ни одна живая душа не увидела, в каком состоянии Астер на самом деле

выползает со стадиона после игры. Воздух внутри пропитан тяжелым запахом триумфа, мужским потом и холодом льда, который, кажется, все еще исходит от его кожи. Хартман пытается стянуть пиджак, и я вижу, как у него едва заметно дергается веко от каждого движения — верный признак того, что боль уже не просто ноет, а кусает.

Это первый выездной матч «Штормов» с тех пор, как мы заключили нашу сделку. Я прилетела следом обычным рейсом, как какая-то тень, пока Хартман выкладывался на раскатке. Заселилась в номер по соседству, стараясь не попадаться на глаза людям, и мы встретились мельком только перед самым вбрасыванием, когда он нашел секунду, чтобы вручить мне специальный пропуск в семейную ложу. С того момента и до тех пор, пока он не рухнул на сиденье моей машины, у меня не было ни единого шанса коснуться его. В чисто лечебных целях, разумеется.

— И что? Из-за этого мы не можем опоздать? — хмурюсь я, поглядывая на часы. — Нам нужно чуть больше часа, чтобы привести твой отек в норму и...

— Мы в целом пробудем здесь чуть больше часа, — снова перебивает меня он, выходя из машины, чтобы пересесть назад.

— Мне нравится это не больше твоего, Джун. Я просто… хочу прийти туда, отметиться и вернуться в свой номер.

Я знаю, что он не лжет. И технически, учитывая те безумные нули, что он доплачивает мне за «актерское мастер-

ство», этот выход в свет теперь тоже часть моего контракта. Но видеть его таким и не иметь возможности немедленно вмешаться — это по-человечески тяжело. Он выиграл этот матч, он герой вечера, но я знаю цену этой победы. Каждое его столкновение у борта, которое фанаты приветствовали ревом, отзывалось во мне фантомной болью в колене. Он мастерски скрывает это от команды, от Бобби, даже от меня пытается, но я читаю его тело как открытую книгу. Он балансирует на грани болевого шока, прикрываясь своим непомерным эго.

Астер начинает переодеваться прямо в машине, сбрасывая официальный костюм и доставая из сумки расслабленное худи и широкие спортивки. Я слышу, как отчетливо звенит пряжка его ремня о кольца на его пальцах, как шуршит дорогая ткань рубашки... слышу, как он едва сдерживает рваный, болезненный стон, когда ему приходится согнуть колено, чтобы стянуть штаны. Я демонстративно отворачиваюсь к окну, разглядывая пустую парковку, пока он копошится на заднем сиденье.

— Ну и как тебе? — спрашивает он спустя минуту.

— Оо, прости, — дергаю я носом, сохраняя на лице маску безразличия, — за подобный вид стриптиза я платить не собираюсь.

— Тогда что насчет предыдущих? — хмыкает он.

В его голосе проскальзывает тень прежнего сарказма, и я понимаю, что это его способ отвлечься от пульсирующей

боли.

— Я разглядывала лишь твое колено, — напоминаю я. — Мой максимум сегодня — угостить тебя безалкогольным пивом, если будешь хорошо себя вести.

— Да я чертова дешевка, — он явно морщится, устраиваясь поудобнее. — Благо, это все не отменяет того факта, что этот бар я покину с горячей девушкой.

— Если ты продолжишь в том же духе, эта горячая девушка бросит тебя здесь у обочины и уедет в отель спать.

— Тогда в следующий раз тебе придется ждать меня в номере, а не смотреть лучший в мире спорт из семейной ложи.

Я закатываю глаза от его неисправимой самоуверенности. Чтобы занять руки и не сорваться на очередную колкость, я лезу в сумочку, перебирая в ней местный хаос: чеки, ключи, визитки. Наконец нахожу бордовый блеск и опускаю козырек с зеркалом.

— Так… ты расскажешь? — вдруг прерывает тишину Астер.

Судя по звукам, он завязывает шнурок на штанах, и это дается ему с трудом.

— О чем именно?

— Как тебе матч, — он произносит это чуть тише, с какой-то несвойственной ему неуверенностью.

— Если ты о том, было ли видно со стороны, что ты страдаешь — то нет.

— Но не тебе, верно?

— Специфика моей работы, Хартман, — я пожимаю плечами, касаясь губ аппликатором. — Ты пропустил два силовых приема в третьем периоде, потому что берег правую ногу. Обычный зритель этого не заметит, но я — да.

— А в целом? Это ведь был твой первый хоккейный матч?

Мой взгляд неконтролируемо падает на отражение Астера в чертово зеркале, и оно тут же открывает потрясающий, слишком детальный вид на его голый торс — он как раз скинул белоснежную рубашку, собираясь натянуть худи. Свет фонарей с улицы подчеркивает каждую линию его накачанного, рельефного тела, и я невольно задерживаю дыхание, который раз благодаря Бога за то, что на наши сеансы он приходит в спортивном белье.

@darcyfinn

— Вроде того, — я спохватываюсь и тут же с громким щелчком захлопываю козырек, будто этот резкий звук поможет мне остаться непойманной.

Но я возвращаю блеск в сумку, отчетливо чувствуя, как горят щеки.

— И?

— Неплохо, — сдаюсь я. — Очень… эмоционально.

— И это весь отзыв?

— Я похожа на спортивного обозревателя или что? Я даже правил-то толком не знаю. Только то, что нужно запихнуть шайбу в сетку и не убить друг друга в процессе.

Он на секунду замирает, и в машине воцаряется странная тишина, прерываемая лишь шуршанием его худи. Мне кажется странным, что он вообще об этом спрашивает. Будто его — звездного Астера Хартмана — действительно волнует мнение дилетанта о его игре. Словно ему важно, чтобы я оценила его не как пациента или громкую фамилию из газет, а как человека на льду.

— Но ты был хорош, — добавляю я тише, и это чистая правда. — Видно, как ты горишь этим, и… несмотря на все, что происходит с твоим телом, все еще наслаждаешься процессом.

— Меня подбадривала мысль о том, что, когда все закончится — ты снова окажешься передо мной на коленях, чтобы коснуться меня.

— Знаешь что? — я не выдерживаю и резко оборачиваюсь к нему. — Как насчет того, чтобы тебя лечил мой хороший знакомый? Уверена, вы найдете общие темы для разговоров, и он даже разрешит тебе есть твои дурацкие хлопья на завтрак.

— Оо, — тянет он, и я вижу в темноте его довольную ухмылку. — Ты ведь не думаешь, что теперь я променяю тебя на пачку хлопьев, милая?

— Еще одно грязное слово...

— И ты исполнишь все свои угрозы, верно?

— Именно!

Я тут же выхожу из машины, хлопая дверью, и набираю полной грудью холодный ночной воздух, стараясь сбросить с себя это липкое раздражение. Астер следует за мной спустя пару секунд, и мы стоим под мигающей неоновой вывеской бара — я вижу, как его едва заметно шатает, когда он пытается перенести вес на здоровую ногу.

Он неуклюже борется с капюшоном своей толстовки, пытаясь его поправить. Я тут же делаю шаг к нему, вторгаясь в его пространство. Я протягиваю руки и поправляю его воротник, делая вид для случайных прохожих, что я — заботливая девушка. Но на самом деле я с силой впиваюсь пальцами в плотную ткань его худи, чуть встряхивая его, чтобы он почувствовал всю серьезность моих слов и увидел мой гнев в упор.

— Теперь слушай меня внимательно, — я чуть щурюсь,

глядя ему прямо в глаза, чтобы он понял: я не шучу. — Мы заходим внутрь, и ты тут же находишь себе место, куда прижмешь свой зад на оставшийся вечер. Ты не встаешь без необходимости, не пьешь алкоголь и ешь только то, от чего в обычной жизни тебя бы стошнило — овощи, фрукты… максимум, жареная рыба.

— Я получу поблажку на кляр? — он пытается строить мне глазки, но я вижу, как за этой привычной бравадой мелькает настоящая, тягучая физическая боль.

— Не в этой жизни, Астер.

Я подаюсь вперед и притягиваю его за воротник худи чуть ближе, чтобы поправить капюшон. Он дергается от неожиданности так сильно, что едва не теряет равновесие — колено подводит его в самый неподходящий момент. Чтобы удержаться на ногах, его руки инстинктивно ложатся на мои бедра по бокам, и Астер нависает надо мной, подавляя своим ростом. Я чувствую холод его серебряных колец даже сквозь плотную ткань моих брюк. Мне приходится на секунду задержать дыхание, чтобы не захлебнуться его одеколоном — смесью дорогого парфюма, свежего льда и чего-то чисто его.

— Я будто уже умер и оказался на небесах, милая, — шепчет он, и его пальцы на моих бедрах едва заметно сжимаются.

— Кстати об этом, — напоминаю я, когда он рискует и притягивает меня еще на сантиметр ближе, сокращая расстояние до опасного минимума. — Если ты перейдешь чер-

ту, начнешь строить из себя героя или распускать руки больше, чем того требует наше шоу — ты не доживешь до следующего матча, *милый*. Я лично вколю тебе паралитик вместо витаминов, и…

— Вот теперь мы звучим как самая настоящая пара, — он понижает голос до бархатистого рокота и не сводит с меня глаз, в которых сейчас искрит что-то потяжелее обычного раздражения.

— Извини?

— Ты назвала меня милым.

— Нет, не называла.

— Еще как назвала, — он расплывается в довольной, почти кошачьей улыбке, медленно облизывая губы, и я на мгновение зависаю, глядя на это движение.

— Это всего лишь разговорная форма слова «придурок», — протестую я, поспешно отступая назад и разрывая этот странный контакт.

— В своем слове «милая» я не закладываю такой смысл.

— Потому что все, что ты говоришь, не имеет вообще какого-либо смысла. Идем.

Я разворачиваюсь к двери бара, собираясь потянуть ручку на себя, но Хартман, несмотря на свое состояние, опережает меня. Он делает шаг вперед, на мгновение замирая от вспышки боли в суставе, но тут же берет себя в руки. Он открывает дверь и придерживает ее, стараясь сохранять абсолютно невозмутимое лицо, хотя его хромота становится все

более явной.

Внутри бара нас оглушает шум: звон бокалов, крики болельщиков у экранов и сухой стук бильярдных шаров. Воздух здесь тяжелый, пропитанный запахом хмеля и жареной еды. Астер быстро осматривает зал в поисках своих, и, заметив знакомые макушки, его рука ложится мне на поясницу. Без лишних слов он собственническим жестом подталкивает меня вперед, направляя к большому круглому столику в глубине заведения.

— Хэй! — тянет один из парней, заметив нас. — А вот и вы!

— Пришлось переодеваться прямо в машине, — ворчит Астер, заметно раздраженный своей беспомощностью, и поочередно пожимает руки всем присутствующим, включая Бобби.

— И ты ждешь, что мы в это поверим? — хмыкает незнакомый мне блондин, сканируя меня взглядом. — С такой красоткой вы явно опоздали не из-за переодеваний. Скорее, там были игры на раздевание и…

— Давай-ка поуважительнее, Логан, — перебивает его Астер.

— Извини, кэп, неудачный комплимент для…

— Да, — Астер делает паузу, собственнически придвигаясь ко мне ближе. — Это…

— Джун Вэнс, — представляюсь я сама, не дожидаясь, пока он подберет слова.

Я протягиваю руку каждому, чье имя он называет.

— Бобби ты знаешь, а остальные — Гарри, Логан, Китт и Мэтью.

— Очень приятно, — я поджимаю губы в вежливой улыбке.

Астер отодвигает для меня стул с такой обходительностью, будто мы на светском приеме, а не в спортивном пабе, и только потом садится сам, едва сдерживая гримасу, когда сгибает ногу.

— Рад тебя видеть, Джун, — первым отзывается Деклан, кивая мне.

— Взаимно, сэр… в смысле, Бобби, — тут же исправляюсь я, чувствуя себя немного неловко под прицелом стольких глаз.

— Даже так, — глаза парня рядом, кажется, это Гарри, загораются азартом. Он наваливается грудью на стол, подпирая лицо кулаками и не скрывая широкой ухмылки. — Если ты зовешь его так, должно быть, у вас с Эйсом действительно все серьезно.

— Надеюсь на это, — вру я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально естественно и мягко.

— Я хочу знать все подробности! — уверяет Гарри. — Я чувствую себя так, будто меня лишили статуса «лучшего друга», потому что о таких новостях этого засранца я узнаю вместе со всеми.

— Мы просто… не хотели афишировать и…

— И этот засранец только что лишил тебя этого статуса, — вмешивается Астер.

Он по-хозяйски закидывает руку на спинку моего стула, фактически обнимая меня за плечи.

— С чего бы это? — Гарри звучит почти обиженно.

— У меня теперь есть девушка, мужик, — фыркает Хартман, и я чувствую тепло его тела так близко, что это начинает мешать мне думать. — Теперь она — мой лучший друг.

— Это нечестно, я…

— Мы можем чередоваться, — предлагаю я, понимая, что градус абсурда зашкаливает. Я вовсе не хочу становиться причиной реального раздора, когда все это — одна большая ложь. — Я возьму четные дни, а ты — нечетные. Идет?

Гарри берет театральную паузу на подумать, а потом снова растягивается в улыбке, согласно кивая мне.

— Только потому, что благодаря тебе этот засранец сегодня здесь, а не прячется в своем номере.

Его слова цепляют меня — это кажется мне странным. Девяносто девять процентов спортсменов, с которыми я работала, были одержимы тусовками и использовали любую возможность, чтобы вырваться из отеля. Единственным, кто был другим — был Максвелл. Судя по всему, они с Астером действительно в этом похожи. Но Рейн всегда и со всеми был угрюмым — мы начали общаться по-человечески только спустя три месяца, несмотря на то что жили под одной крышей. Хартман же другой. Он будто включает эту броню

серьезности только тогда, когда рядом команда или кто-то по работе.

И все же вечер проходит на удивление весело. Парни шумят, спорят, периодически вскакивают, чтобы сыграть партию в бильярд. Билли то и дело донимает Астера вопросами о «нас», пока в какой-то момент разговор предсказуемо не сворачивается на хоккей. Я в это время вовсю обсуждаю с Гарри невыносимый характер Хартмана, стараясь звучать как слегка ворчливая, но влюбленная дурочка. На секунду я почти верю в это сама — особенно когда Эйс придвигается ко мне еще ближе, сильнее загребая меня в свои объятия через спинку стула.

Но сказка длится недолго. Я чувствую, как его бедро, прижатое к моему, начинает вибрировать от дикого напряжения. Астер уже давно не смеется. Он не пьет и почти не прикоснулся к своему ужину. Я вижу, как он медленно уходит в себя, концентрируясь на пульсирующей боли, которая, должно быть, уже застилает ему глаза.

Тогда я незаметно опускаю руку под стол. Мои пальцы ложатся на его колено — точно и профессионально. Я нахожу нужные точки и начинаю делать едва заметный массаж прямо через ткань его спортивных штанов. Со стороны это выглядит так, будто я просто нежно и рассеянно глажу своего парня по ноге, пока слушаю болтовню Гарри, но на самом деле я вкладываю все силы в эти нажатия, пытаясь хоть немного расслабить его зажатый сустав и подарить ему гло-

ток облегчения.

Астер замирает подо мной в ту же секунду, как мои пальцы находят нужную точку. Он пытается не выдать себя перед парнями, но я чувствую, как его тело поддается, как дыхание становится тяжелым и рваным, когда он начинает получать первое, остро необходимое облегчение. Он медленно наклоняется к моему уху, обжигая шею своим горячим дыханием, от которого по моей коже разбегаются непрошеные мурашки.

— Джун, — голос Астера ломается, превращаясь в низкий, хриплый рокот, — что… ты делаешь?

— Помогаю расслабиться, — шепчу я, не глядя на него и продолжая методично втираться в его мышцы.

— Я скорее становлюсь все напряженнее, милая.

Я лишь усиливаю хватку, чувствуя, как под пальцами перекатываются его тугие жилы. Ему становится легче, я вижу это по тому, как разглаживается складка между его бровей, но его реакция на мои прикосновения становится пугающей. Он судорожно сжимает край моего стула, костяшки его пальцев белеют, а я изо всех сил стараюсь держать лицо и делать вид, что просто увлечена разговором Гарри.

— Тебе нужно прекратить это. Сейчас.

— Тебе больно? — я хмурюсь, боясь из-за его опасной близости взглянуть на него.

Если я поверну голову, наши лица окажутся в паре сантиметров друг от друга.

— Не так, как хотелось бы.

— Прекрати паясничать, Астер.

— Ты лапаешь меня перед моей командой, милая. Извини, если ты ждала другой реакции.

— Так все дело в зрителях? — я неконтролируемо хмыкаю, чувствуя, как азарт борьбы снова берет верх. — Когда мы наедине — ты так не реагируешь.

Я жду, что он продолжит свою привычную грязную тираду и засыплет меня провокациями, но он упорно молчит. Он едва сдерживает стон, и в этот момент я замечаю под столом то, чего определенно не должна была видеть. Он действительно становится твердым, и это не имеет ничего общего с его коленом. Астер судорожно одергивает край толстовки вниз, пытаясь скрыть свое состояние.

— Хартман? Скажи, что ты так не реагируешь, когда мы наедине, — повторяю я, и мой голос внезапно звучит тише, чем мне хотелось бы.

— Родители учили меня не врать, милая.

— Я… я вовсе не знала, я…

Я хочу немедленно убрать свою руку с его колена. В моей практике нет ничего страшного в подобных вещах — это простая биология, реакция тела на прикосновения, и я как врач это прекрасно понимаю. Это не проблема моей внешности или поведения, это просто рефлекс. Но сейчас, когда мы сидим в окружении его друзей, осознание этого факта бьет в голову сильнее любого алкоголя. И все же Астер пе-

рехватывает мою руку, не давая мне отстраниться, и с силой возвращает ее на место.

— Продолжай. Пожалуйста.

Теперь это звучит чертовски интимно, почти как признание. Я продолжаю массировать его колено, чувствуя под ладонью жар его кожи, и это вынуждает Хартмана на мгновение прикрыть глаза и рвано задержать дыхание. И на меня это влияет совсем не так, как должно — мои собственные пальцы начинают подрагивать, а пульс в ушах заглушает шум бара.

— Эйс! — раздается из-за бильярдного стола сбоку от нас подтрунивающий голос Гарри. Я дергаюсь в легком испуге, едва не опрокинув стакан. — Твоя очередь. Я разгромлю тебя за три удара.

— Я пас, — Астер прочищает горло и садится ровнее, выпуская мою руку, но все еще касаясь своим бедром моего. — Но Джун с удовольствием сыграет.

— Что? Нет, я…

— Давай, милая, — громко заявляет Хартман на весь стол, прежде чем снова понизить голос, чтобы продолжение услышала лишь я. — Я же знаю, как хорошо ты справляешься с шарами, верно?

— Я на работе, вообще-то, — шиплю я сквозь зубы, прожигая его взглядом.

— И ты заслужила двадцатиминутный перерыв, док, — настаивает он, возвращая себе свой обычный серьезный и

чуть высокомерный тон. — Мне все равно нужно… в туалет.

— Мне пойти с тобой?

Этот вопрос слетает с моего языка быстрее, чем я успеваю включить мозг. Я имела в виду, что может быть ему нужна моя помощь с коленом, но в контексте последних минут это звучит двусмысленно.

— Оо, ты уже сделала предостаточно, милая, — он криво усмехается, снова поправляя свое худи, прежде чем тяжело встать на ноги. — Мне нужно пространство, чтобы пережить твои блуждающие ладони при моей команде, но… постарайся сохранить этот настрой на будущее. Когда мы вернемся в наш номер и снова останемся наедине.

Он поднимается, и я вижу, как он стискивает зубы, стараясь не хромать под взглядами сокомандников. Астер медленно уходит в сторону уборных, а я поднимаюсь с места, чувствуя себя так, будто пробежала марафон. Гарри уже протягивает мне кий, улыбаясь во весь рот: вокруг стоит привычный шум, смех, Бобби увлеченно что-то рассказывает парням, но я кожей чувствую внезапную пустоту рядом с собой.

Раньше в моей практике не было ничего подобного. Не было такого удушающего давления, таких разговоров на грани и такой… густой, почти осязаемой атмосферы между мной и пациентом. Я сжимаю холодное дерево кия и понимаю, что это не просто плохой знак… это начало катастрофы.

Замах шестой. Джун

deep end - Fousheé

День Святого Валентина — официально худшее время для тех, чья личная жизнь напоминает выжженное пепелище. Особенно когда ты вынуждена делить одно пространство с мужчиной, который притягивает тебя так же сильно, как и отталкивает, заставляя внутренний компас окончательно сойти с ума.

Последние две недели я только и делала, что терпела Астера Хартмана и его бесконечные провокации. Он стал чересчур внимательным, чересчур заботливым и пугающе… *рядом*. Это выводило меня из себя больше, чем его угрюмость. Возможно, именно из-за такой реакции я три года ни с кем не встречаюсь и не была ни на одном свидании. Я мастерски умею быть веселой, флиртующей и саркастичной, но стоит кому-то подойти слишком близко и начать отвечать мне тем же — я теряюсь. В такие моменты мне хочется только одного: сбежать как можно дальше. Но Астер, кажется, чует этот страх за версту и только подливает масла в огонь весь этот месяц, что мы делим пространство и жизнь.

Каждый день проходит по отработанной схеме. Если у него домашние игры или выходные, мы тренируемся, завтракаем, работаем над его коленом — массажи, растяжки, бесконечные процедуры. Потом он уходит на лед, а я погру-

жаюсь в учебники или планирую следующие этапы его восстановления, а вечером — мы расходимся по своим комнатам. Но на выездах все меняется. Там мы связаны куда теснее, окруженные людьми, которые верят в нашу ложь. В эти моменты Астер не стесняется переходить черту, вторгаясь в мое личное пространство с флиртом и случайными прикосновениями, от которых по коже бегут искры.

Самое странное, что я ни разу не почувствовала себя некомфортно, хотя должна была бы. Я не самый тактильный человек и точно не фанатка публичного проявления чувств, но Хартман раз за разом пробивает мою оборону. Именно поэтому на сегодня я выпросила себе выходной. Я просто не могла представить, каково это — провести День влюбленных с ним в одной квартире. Мне нужна была пауза, потому что именно в этот день меня накрывает тоска и одиночество. С каждым чертовым годом это чувство становится только тяжелее, оседая в груди холодным камнем.

Я привыкла быть одна. С моей работой ни один нормальный парень не пришел бы в восторг от того, что я живу под одной крышей с горячим хоккеистом, который девяносто процентов времени игнорирует существование футболок и одержим грязными разговорами. Но в определенные дни цикла или наткнувшись в парке на милую пожилую пару, я невольно спрашиваю себя: *почему я все еще одна?* Как врач я понимаю, что это классический избегающий тип привязанности. У меня проблемы с доверием, и единственный способ

это исправить — снова начать верить людям. Но я же не сумасшедшая, чтобы добровольно делать это, верно?

Поэтому с восьми утра и до семи вечера я торчу в помещении своей будущей клиники. Я выкупила его полгода назад и все это время воевала с бюрократией, прежде чем получить ключи. Сейчас я занимаюсь самым грязным ремонтом, который могу осилить сама: сдираю старые обои, выношу мусор и отмываю стены, готовя фронт работ для строителей. Физический труд помогает не думать. Здесь, среди строительной пыли и пустых стен, меня почти не смущает, что я в очередной раз одна в этот праздник.

Во всяком случае, лучше быть одной, чем соглашаться на меньшее или позволять кому-то снова очернить свое имя. Я уже доверяла однажды и какой итог? Я лишилась парня, работы в престижном клубе и медицинской лицензии. И ради чего? Чтобы человек, которому я отдала все, сказал, что я слишком умная и со мной тяжело?

— Козлина, — слетает с моих губ, эхом разлетаясь по пустому залу. — Супер. Теперь я еще и сама с собой разговариваю.

Я трясу головой, пытаясь прогнать остатки этих едких воспоминаний. Должно быть, респиратор не спас так, как должен был, и я все-таки надышалась парами растворителя. Тело гудит от усталости, шею и плечи тянет от непривычной нагрузки, но я заканчиваю уборку только спустя полчаса.

Но когда я закрываю дверь на ключ, то мечтаю только об

одном — запереться в своей комнате и никого не видеть. Потому что даже вечерний Сиэтл сегодня выглядит как декорация к слащавому ромкому, который я бы не стала смотреть даже под дулом пистолета. На улице полно парочек, центр города залит розовым и красным светом, везде цветы, шарики и музыка.

Я тяжело выдыхаю, сильнее кутаясь в пальто и стараясь смотреть под ноги. Если я разозлюсь достаточно сильно, то доберусь до дома Астера за десять минут. Но если грусть все-таки доконает меня, я рискую просто сесть на ближайшую скамейку и расплакаться от этой праздничной патоки.

— Джун?

Я замираю на месте, зажмурившись, будто это поможет мне стать невидимой и слиться со стеной. Этот голос… я не слышала его три года. Я ненавижу чертову судьбу за то, что должна услышать его именно сегодня. В день, когда я выгляжу как черт, измазанный в строительной пыли, без грамма косметики и без защиты.

Поэтому я делаю то, что сделала бы любая уважающая себя девушка — притворяюсь, что не слышу, и, спрятав ключи в карман, ускоряю шаг в противоположную сторону.

— Джун, это я, — не унимается голос за спиной. — Тайлер.

Я глубоко вдыхаю, натягиваю на лицо свою самую вежливую и пустую улыбку и все же оборачиваюсь к бывшему.

— Привет, — тяну я максимально дружелюбно. — Я… я

тебя совсем не узнала.

Вру я и совершенно не краснею. Мне не нужен очередной скандал в медиа по его инициативе, но внутри меня начинает закипать злость от того, как хорошо он выглядит. Звездный квотербек Тайлер Рид во всей своей красе: идеально уложенные волосы, дорогая одежда, явно подобранная для свидания. В его руках огромный букет цветов, и я тут же вспоминаю, что мне он никогда не дарил цветов без повода. Да и с поводом — редко.

— Да, я… вроде как поднабрал массы, — он улыбается своей безупречной белозубой улыбкой, делая шаг ко мне. — Увеличил процент мышц перед началом сезона.

— Ты в отличной форме, Тай, — к моему сожалению, это не ложь.

— Спасибо, Джи. Сама понимаешь — работа обязывает. Я только взял новый рекорд по пасовым ярдам, но… ты наверняка слышала об этом в новостях. Весь Сиэтл гудит, будто им не хватает прочих спортсменов, верно? — он поправляет манжет рубашки, делая это с той самой небрежной грацией, которая раньше заставляла мое сердце пропускать удары.

Теперь это вызывает только тошноту.

— Я… немного выпала из мира спорта в последнее время. Много работы.

Тайлера явно задевает то, что я не слежу за его триумфами. Его улыбка на секунду становится жестче, и он реша-

ет продолжить эту экзекуцию, вбрасывая подробности своей идеальной жизни, словно проверяя, насколько глубоко он еще может меня ранить. Он не бьет наотмашь — он просто напоминает о моем падении, прикрываясь светской беседой.

— Моя мама, кстати, говорила, что видела тебя недавно. Ты все еще работаешь в той пригородной клинике, верно?

— Нет, сейчас я скорее частный консультант. Помогаю паре знакомых и…

— А, ясно. Фриланс — это удобно, — он мельком смотрит на свои золотые часы, которые стоят больше, чем мой годовой доход в той самой клинике. — Меньше ответственности, больше свободного времени. Хотя, судя по твоему виду, сегодня ты зашиваешься.

— Вроде того.

— В смысле, ты прекрасно выглядишь, просто… не так, как раньше.

Мне хочется хмыкнуть от его поразительной бестактности, но это лишь сильнее распаляет мою злость. Я три года не видела его — ни случайно на стадионе, ни намеренно у общих знакомых — я строила свою жизнь по кирпичику из руин, но… именно сегодня, когда я чувствую себя отвратительно и выгляжу как рабочая с площадки, он снова всплывает, напоминая о себе.

— Прошло три года, Рид, — напоминаю я, крепче сжимая ключи в кармане. — Люди меняются, и это нормально.

— Да, верно. Это всегда достаточно веское оправдание.

Я делаю глубокий вдох, собирая последние крохи самообладания, чтобы не закатить глаза. Каждая секунда рядом с ним вытягивает из меня силы.

— Ну, — я делаю шаг назад, — рада была поболтать, но мне уже пора.

— Черт, да, извини. Не хотел тебя задерживать. У тебя наверняка грандиозные планы на этот вечер.

Я открываю рот, чтобы ответить что-то едкое, но слова застревают в горле. Стоять перед королем футбола в строительной пыли и пытаться доказать, что я востребована и счастлива — это заведомый проигрыш. Будь я в любовном романе, Астер Хартман появился бы здесь в эту же секунду: он бы вышел из своего черного внедорожника с огромным букетом, который заставил бы цветы Рида выглядеть сорняками, и притянул бы меня к себе, «пометив» территорию. Но моя жизнь — не книжка, и Астер в роли прекрасного принца на белом коне не появляется.

— Ага.

— И кто этот счастливчик? — заговорщицки лыбится Тайлер.

— Я не…

— Тайлер? — женский голос окрикивает его со стороны ресторана.

И я прослеживаю за его взглядом. На пороге стоит ослепительная брюнетка — чистая кожа, идеальная укладка, наверняка модель или инфлюенсер. Она смотрит на Тайлера с

немым вопросом, а потом переводит на меня холодный, оценивающий взгляд.

— Извини, — он возвращает мне внимание, но в его глазах уже пустота. — Мне пора. Рад был повидаться.

Он не дожидается моего ответа. Просто разворачивается и спешит к своей новой девушке, которая ждет его с той самой беззаботной улыбкой, которой когда-то обладала и я. И уже больше всего меня бесит не то, что вся его жизнь находится в полном порядке после того, как он планомерно уничтожил мою. Меня выворачивает от того, что Тайлер ведет себя так, будто ничего для этого не сделал. Будто моя разрушенная карьера и запятнанное имя — это лишь досадная случайность, к которой он не имеет никакого отношения.

Поэтому я добираюсь до дома Астера за рекордные восемь минут, даже не замечая, как пролетаю перекрестки. Внутри клокочет дикая злость вперемешку с таким густым разочарованием в собственной жизни, что руки в карманах начинает ощутимо трясти. Это нечестно, чертовски несправедливо, и осознание того, что это — моя реальность, бьет под дых сильнее любого поражения.

Я влетаю в пентхаус Хартмана, мечтая лишь об одном — провалиться сквозь землю и больше никогда не пересекаться с людьми. Мне не нужны их участливые лица или, что еще хуже, счастливые пары, напоминающие о том, что я потеряла. Я не хочу видеть эту несправедливость в чистом виде и этот снисходительный взгляд, когда кто-то вдруг осознает,

что живет в сотни раз лучше тебя. В такие моменты все, что я чувствую — это липкий, удушающий стыд, от которого хочется содрать с себя кожу.

И ведь в этом даже нет его прямой вины! Это все я и моя бесконечная, граничащая с глупостью доверчивость. Я ведь знала, черт возьми, знала, что нельзя верить спортсменам. Я видела эти сценарии бесчисленное количество раз, работая в индустрии, и все равно рискнула. Я сама сделала шаг на те же грабли, ожидая другого результата, и теперь расплачиваюсь за свою наивность.

— Джун? — голос Астера раздается из глубины его спальни, как только двери лифта за моей спиной закрываются с тихим шелестом. — Я оставил тебе ужин на столе, его нужно только разогреть и…

Я не дослушиваю его. Слова застревают где-то на периферии сознания, пока я влетаю в свою комнату, мечтая спрятаться от этого идеального мира за закрытой дверью. Мне просто нужно закончить этот день как можно скорее. У меня нет сил есть, развлекаться или даже думать — я хочу просто раствориться в темноте до следующего утра. И все же, подчиняясь старой привычке, я тащусь в душ, чтобы смыть с себя этот день и… наконец-то поплакать.

Я не часто позволяю себе такую слабость, но сегодня из-за этой острой обиды меня накрывает с головой. Она жжет меня изнутри: я работала не меньше Тайлера, я вкладывала в это дело всю себя, но он разрушил меня и мою карьеру

одним движением, пока у него самого — все складывается просто прекрасно. Я не желаю ему зла, я не хочу, чтобы у него все рухнуло — я просто хочу, чтобы хоть крупица этой стабильности и успеха перепала и мне.

Я не знаю, сколько времени провожу под струями воды, а потом занимаюсь какой-то бессмысленной стиркой — мне по большей части плевать на результат. Я просто растягиваю время, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями в тишине. У меня режим, и я не хочу его сбивать, но, когда до отбоя остается чуть меньше часа, все мои выдуманные дела заканчиваются. Я просто сижу посреди своей кровати, поджав ноги к груди, и с пустым взглядом пялюсь в стену напротив, когда в дверь раздается короткий стук.

— Хэй, — Астер не дожидается моего ответа, просто просовывая голову в дверной проем.

Я не вижу его лица, но сужу по звукам его тяжелых шагов и шороху одежды. Я отчаянно пытаюсь скрыть свой растрепанный вид и предательски подступающие слезы, утыкаясь лицом в колени. Он ведь ни разу не заходил сюда с тех пор, как я въехала, и я не хочу рисковать, встречаясь с ним взглядом прямо сейчас.

— Я хочу… посмотреть кино, — неуверенно начинает он, и я слышу, как он переминается с ноги на ногу. — Если попробуешь меня поуговаривать — я быстро сдамся и соглашусь на какую-нибудь мелодраму.

При других обстоятельствах я бы наверняка рассмеялась

или хотя бы язвительно хмыкнула в ответ на такое заявление, но сейчас внутри выжженная пустыня. Мы никогда не проводим вечера вместе, и уж тем более никто из нас не приглашает другого на совместный просмотр кино. Я просто беззвучно мотаю головой, прижимаясь лбом к коленям, потому что устала настолько, что не могу вымолвить ни слова.

— А что насчет пиццы? Я могу позволить себе небольшую поблажку? — не унимается он. По звуку шагов я понимаю, что он полноценно входит в мою комнату, заставляя меня сильнее отвернуться к окну. — Ты… в порядке? Я назвал два твоих самых нелюбимых слова практически в одном предложении, а ты все еще не съязвила? Кто ты и что, черт возьми, сделала с Джун Вэнс?!

— У меня был тяжелый день, Астер. Я устала и хочу…

— Это что — моя толстовка? — он вдруг хмыкает, склоняясь чуть ближе, чтобы рассмотреть меня.

Я невольно опускаю взгляд на свою грудь, замечая знакомую эмблему его команды на темно-серой ткани.

— Я не включала свет в подсобке, — признаюсь я тихим, севшим голосом. — Должно быть, перепутала и… я ее постираю и верну тебе, извини, что так вышло, я…

— Что происходит, милая?

Астер не ждет приглашения. Он нависает надо мной, складывая мощные руки на груди, и замирает, ожидая моего ответа. Его присутствие обычно заполняет собой все пространство, но сейчас оно кажется не подавляющим, а… защит-

ным. Только я не готова к его флирту, сарказму или чему-либо другому, что он мог бы сейчас выдать.

— Я просто хочу побыть одна, Хартман.

— Я уйду, как только ты ответишь мне на вопрос.

— Я уже все сказала. У меня был трудный день, я много работала и устала.

— Ты всегда много работаешь, — серьезно говорит он, и его голос звучит непривычно низко. — Ты учишься, Джун, каждую свободную минуту, а если нет — то тратишь все свое время на меня или мое существование.

Я неуверенно поднимаю на него глаза, пораженная его проницательностью. Обычно мужчины не замечают таких вещей — они принимают заботу как должное, не считая это чем-то весомым, от чего ты можешь действительно выгореть. Но Астер смотрит так, будто видит меня насквозь.

— Я думал, в свой выходной ты хорошенько отдохнешь, а не будешь… загонять себя еще больше.

Он тяжело выдыхает, и я чувствую, как его взгляд медленно и внимательно мечется по моему лицу, задерживаясь на покрасневших глазах. Между нами повисает тишина, нарушаемая только его ровным дыханием.

— Как я могу тебе помочь? — неожиданно произносит он, не расслабляя своей привычной хмурости, но в его тоне проскальзывает что-то похожее на нежность.

Мои эмоции, которые я так старательно заталкивала поглубже, снова возвращаются. Я чувствую, как злюсь на

несправедливость и одновременно расстраиваюсь до слез. Все это… чересчур для одного вечера, и я наконец сдаюсь.

— Сомневаюсь, что ты можешь вернуть меня в прошлое и отговорить от идеи встречаться с этим парнем.

— У тебя… есть парень? — он прочищает горло так резко, будто на секунду эта мысль по-настоящему его расстраивает.

— Нет, — мотаю я головой, зарываясь лицом в воротник его огромной толстовки, которая пахнет его парфюмом. — И надеюсь, больше никогда не будет.

— Что произошло сегодня?

— Я весь день занималась своими делами, — почему-то признаюсь я, чувствуя, как барьеры рушатся. — У меня было… много физической работы, и я выглядела не самым лучшим образом для встречи с бывшим. Но, полагаю, вселенная меня ненавидит, потому что впервые за три года я встретила его именно сейчас.

Мой голос ломается на последнем слове, а ком в горле становится невыносимым. Астер, пытаясь не привлекать к себе лишнего внимания, осторожно садится напротив меня на край моей постели. Кровать прогибается под его весом, и он просто молчит, давая мне время продолжить.

— Он был там, весь такой разодетый, с букетом цветов, которые никогда в жизни мне не дарил и… он живет свою лучшую жизнь, пока я — я потеряла все, что имела, из-за его лжи, но… все хорошо именно у него, понимаешь?

— Мне очень жаль, милая, — уже чуть тише звучит Астер, и его рука на мгновение дергается, словно он хочет меня коснуться, но он сдерживается.

— Я просто… не понимаю, почему так вышло. Это ведь несправедливо, правда? Сегодня чертов День Святого Валентина, он идет на свидание с длинноногой брюнеткой, пока полстраны восхваляет его работоспособность, а я… я…

Мне резко не хватает воздуха. Я делаю глубокий, судорожный вдох и замолкаю, чувствуя себя глупо.

— Извини, — мотаю я головой, выпрямляясь. — Это было очень непрофессионально с моей стороны и…

— Нет, — тут же перебивает меня Астер. — На этом моменте тебе лучше закрыть свой идеальный рот, милая.

Он склоняется ко мне чуть ближе, заставляя меня наконец взглянуть ему прямо в глаза — темные и неожиданно теплые. Только после этого он продолжает:

— Я больше, чем уверен, что он кусает локти, сидя на своем паршивом свидании с длинноногой брюнеткой. Она ведь не ты, Джун. В смысле, она наверняка красивая и умная девушка, но… у нее нет твоего остроумия, твоего сарказма и твоего ума.

Слова Астера проникают под кожу, согревая там, где все еще было холодно после встречи с Тайлером. Его голос звучит так уверенно, что я почти начинаю ему верить.

— Она не будет лучше или хуже тебя, милая. Она просто не будет тобой. И в этом — лишь его потеря. Никто не сни-

мет с него штаны в туалете кофейни на первом свидании, никто не согласится стать его фальшивой девушкой, и уж точно никто не будет заботиться о нем больше, чем это делала ты, Док.

Астер смотрит на меня с таким искренним сопереживанием, что у меня перехватывает дыхание. Вся его угрюмость куда-то исчезла, оставив после себя только честность.

— Мне вот повезло гораздо больше, — наконец хмыкает он, возвращая на лицо тень своей привычной игривости. — У меня чертовски горячая фальшивая подружка, ворующая мои вещи, пока ее фальшивый парень справляется, объективно, не очень.

Я беззвучно смеюсь сквозь остатки слез. Это получается само собой, хотя я вовсе не собиралась этого делать, но… я спускаю одну ногу с кровати, чувствуя, как тяжесть в груди понемногу отпускает.

— Торжественно клянусь, что исправлюсь, — обещает он, прикладывая правую руку прямо к сердцу, а левую поднимая в шутливой клятве. — Мне жаль, что тебе так не свезло и…

— Ты мне ничего не должен, Астер, — мотаю я головой, пытаясь вернуть диалог в привычное русло. — Это я работаю на тебя, а не наоборот.

— Хорошо, — уже активнее звучит он, поднимаясь с моей постели и напоследок бросая взгляд на то, как на мне сидит его толстовка. — Тогда, как твой работодатель — твое следующее задание: позволить мне съесть круг пиццы и по-

смотреть со мной какой-нибудь слезливый фильм.

Теперь я уже заливаюсь настоящим смехом, но все еще мотаю головой, когда Хартман оказывается на выходе из моей комнаты.

— Технически — сегодня все еще мой выходной, Астер.

— Значит, никакой пиццы?

Я беззвучно качаю головой, чувствуя, как на губах играет легкая улыбка.

— Но что насчет «Дневника памяти»?

— В другой раз, — отнекиваюсь я. — Я правда очень устала сегодня.

Астер внимательно всматривается в меня, проверяя, действительно ли мне стало легче, прежде чем согласно кивнуть. Он уже собирается исчезнуть в коридоре, когда я произношу его имя:

— Астер, — он тут же возвращает мне свое внимание, замирая в проеме. — Спасибо тебе.

— Доброй ночи, милая.

Хартман уходит, оставляя дверь моей комнаты слегка приоткрытой. Я ложусь на подушку и чувствую, что в этой бетонной коробке моего одиночества наконец-то появилось окно, в которое пробивается свет. Но в голове роится слишком много «почему». Почему он не подколол меня, видя в таком разобранном состоянии? Почему сидел здесь вместе со мной, когда мог просто уйти в свою спальню? И почему его обещание «исправиться» звучит сейчас вовсе не как де-

журное утешение, а как настоящая, нерушимая клятва?

Замах се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.